

Военные
Приключения

КРАСНЫЕ ПИНКЕРТОНЫ

ВЯЧЕСЛАВ БЕЛОУСОВ

Военные приключения

Вячеслав Белоусов

Красные пинкертонь

«ВЕЧЕ»

2016

Белоусов В. П.

Красные пинкертонеры / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-8478-4

Вячеслав Белоусов, автор известных романов «По следу Каина», «Провокатор», «Охота за призраком», «Прокурор Никола» и других, представляет новое увлекательное произведение. «Красные пинкертонеры» – роман о преступниках и сыщиках, чекистах, прокурорах и судьях, творивших и добро, и зло в 1920-е годы, когда зарождался НЭП. Это времена напугавшей всю страну «астраханщины», кровавых банд «Речные пираты», «Чёрная пятёрка», «Рваная ноздря» и множества других, возникших в новом государстве, рождённом революцией.

ISBN 978-5-4444-8478-4

© Белоусов В. П., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая. Речные пираты	6
I	6
II	10
III	11
IV	12
V	13
VI	20
VII	22
VIII	25
Часть вторая. Красные пинкертон	30
I	30
II	36
III	39
IV	44
V	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Белоусов

Красные пинкертон

© Белоусов В.П., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

*Посвящается маме, Татьяне Андреевне, и отцу, Павлу
Илларионовичу, молодость которых вытала на это страшное и
удивительное время*

Историческая наука – это вечный, никогда не прекращающийся спор, так как предмет её – безбрежный океан жизни, тайны сотен миллионов людских душ. Кто из историков возьмёт на себя право сказать: «Я понял их» и загасить свечу на пути к ускользающей истине? Как писал французский писатель Андре Жид: «Доверяйте тому, кто ищет истину, а не тому, кто её уже нашёл».

Иногда мне кажется даже, что историческая наука и не в состоянии понять прошлое, «объяснить» революцию, что без великого нашего литературного наследия сделать это ей просто не под силу. Со школьных лет мы знали: «Революции – локомотивы истории», «революция 1905 года – генеральная репетиция Великого Октября», «Февральская революция – пролог Октября», а затем – «триумфальное шествие Советской власти». Потом наши познания расширились: «Рабочий класс – авангард и гегемон революции», «крестьянство – союзник пролетариата», «партия – организатор и руководитель революционного движения...». Эти и другие трафаретные понятия, часть которых выражалась в форме сомнительных литературных метафор, «укладывали», «упаковывали» драматическую историю революции в схему, обструганную, как бревно для телеграфного столба. И что же удивительного в том, что оно стало превращаться в труху, как только начали приоткрываться оцинкованные двери спецхранов и на свет божий извлекли ранее «запретные книги»? Кого виним мы в этом, к чему ищем коварных «очернителей» нашей истории? По делам нашим воздаётся нам...

Г. Иоффе, доктор исторических наук. «Читая „Архив русской революции“»

Часть первая. Речные пираты

I

Как тюрьму ни назови: исправительный дом, следственный изолятор или «Белый лебедь», тюрьма так тюрьмой и останется...

Народ местный затосковал: долго в «Белом лебеде» промурыжат. А поначалу слушок пролетел, будто верха подгоняют здешнее начальство, и потому те глубоко копать не станут, выгоды никакой. Но на днях взяли сразу четверых или пятерых пиджаков – конторских финансистов, к нам отношения не имевших, и совсем непонятная сплетня пролетела: обещают прислать мудрёных зуботык из краевой прокуратуры, аж с Саратова. Прибудет несколько человек вроде как на подмогу нашим, астраханским.

Сенька Голопуз, здешний проныра и тот ещё хмырь, разнюхал к вечеру, что самого Борисова их главный снарядит. То ли по наши души, то ли с конторскими крысами возиться, ну и в горячке попёр:

– Вона каки людишки понаедут! Залётные пинкертон! Эти мелюзгой не мараются! Полетят пух да перья!

А сам с меня на Китайца глазки так и перекидывает, так и жмурится, будто кот на сметану. И потом к Панкрату Грибову, старосте нашему по камере, чуть не в ножки клонится, как тот?

– С тебя, паршивого, даже блохи дёру дали! – под общий хохот рывкнул на него Гриб, грохнул об пол деревяшкой, что у него вместо ноги. – Потому как драть с тебя, окромя синих рёбер, нечего, – и поддел клюкой Сеньку под тощий зад.

Паникёра он, конечно, усмирил на глазах у всех и настроение поднял, только переборщил, подумалось мне, давно и я, и Китаец приметили, что подсматривал да подслушивал за нами с первых дней Голопуз по заданию старосты. Мы ведь среди их братвы, словно две белые вороны: как ни прикидывались охламонами, по мелочи угодившими в тюгулёвку, арапа заправить не удалось. Поэтому Сенька так и крутился рядом, так и ловил любой шанс вывести что-нибудь о нас, но, получив пинка, припух, забился в угол, хотя надолго его не хватило. Зачухались, зашущукались подле него мужики. Кто-то голос подал, копать, мол, начнут заново да основательней, тогда уж точно без мордобоя не обойтись. Слышали некоторые, что Борисов не только большой спец и на голову горазд, он и кулачищем пудовым приложиться не прочь, у него не застрянет, потому как он не интеллигентик вшивый, а ищейка пролетарских кровей. Митяю Горбатову рассказывали, будто имеет Борисов лютую привычку при допросе револьвер совать в ноздрю нашему брату, для убедительности намерений мимо твоего уха норовит пальнуть в стенку, чтоб крошкой каменной обдало. Это для пущей строгости или когда в сердцах. А там уж сам думай...

При общем унынии от этих известий Панкрат снова своей деревяшкой забухал, болтовню в углах приглушил. И от себя добавил, не те, мол, времена, не при царе-кровопийце и жандармах сосуществует наш брат. А потом совсем ни к месту ляпнул, вон, мол, Иван Иванович Легкодимов из старорежимного сыска к нынешним товарищам легавым перекинулся, а разве чего себе позволяет?

– Дед и прежде такого не терпел, – поддержали его одобрительными возгласами. Царского сыскаря Ивана Легкодимова, среди урок прозванного Дедом, чувствовалось, многие знали, поэтому приободрились, да и Голопуз сразу стих.

Только нам с Китайцем не понравилось. Чего это, с каких сладостей Панкрат на Ивана Легкодимова разговоры перевёл? Мне в драчку лезть не хотелось, смекнул я: бузу неслу-

чайно пройдоха Панкрат заварил. А Китаец задёргался весь, глазками так и засверкал. Однако вовремя я Сеньку Голопуза, оказавшегося опять подле нас, приметил. Ткнул дружка в бок, чтобы помалкивал, а самого червь гложет: Легкодимова себе в защитники Панкрат зачислил неспроста. Конечно, Иван – авторитет среди урок, поговаривают, чуть ли не вторая рука нынешнего начальства уголовки, только дела-то у него последнее время идут не блестяще. Совсем плохи дела старого сыскаря у товарищей в угро, и не знать об этом Панкрат не мог. А если так, зачем братве лукавит? Дух подымает таким манером против нас двоих, чужаков?

Не сдержался я, глянул на старосту, но и он метнул мне взор. Словно полыхнул. Чего уж тут... Поняли мы друг друга. Отвернулся я к стенке и затих, сделал вид, что сон одолевает. А до сна ли было? Мысли тревожные и без того голову буравили, от слетевшихся новостей она совсем в круг пошла.

Старший следователь краевой прокуратуры, товарищ Борисов, хотя и не виделись мы никогда, – давнишний знакомый. Нечего сказать, личность заметная, такого зазря к нам в пески, в тьмутаракань не погонят. Глупостей, конечно, наговаривают урки: не из тех он, чтобы рукоприкладством заниматься. Заливает и Горбатый про его пролетарство, от рабочего класса, если что и имеет товарищ Борисов, так одну фамилию и косоворотку простецкую, а вместо кулачищ у него ручки впору лайковым перчаткам. Выдумки всё, на нарах сочинённые от скуки, как и прочая безалаберщина. Однако то, что в нашем городе он объявился неслучайно, у меня сомнений не было. Наоборот, обречённость, поевавшая нутро, как сюда забрался, ещё большей тошнотой аукнулась в желудке и тоска защемила такая!..

Тот товарищ Борисов года два, а то и поболее, с начальником уголовки всей республики Николаевским дотошно отлавливали удальцов, промышлявших лихим ремеслом на матушке Волге от Жигулей до Астрахани. Называли удальцов в народе по-разному: от «привидений», «водяных чертей» до «речных пиратов», а в оперативных сводках сыскарей именовались они бандитами и налётчиками, убийцами и грабителями пароходов и грузовых посудин, перевозивших по рекам имущество промышленников да торгашей, ценности банкиров да конторщиков и других особ серьёзных. Процветало это ремесло долго, дерзко и безнаказанно, пока местные олухи, руки побив от неудач, не обратились за помощью в Москву. До самого наркома дошло, вот и устроили серьёзную облаву на вольных людишек. Пока в секрете операция держалась, успели многих отловить. Под Самарой особая удача выпала легавым: взяли атамана нашего Жорку вместе с подружкой Серафимой, только она красотой особой славилась и будто куда-то сгнула, в Таганку его уже одного привезли. Ну а мы, уцелевшие, врассыпную кто куда. Очистив Жигули, добрались сыскари до Саратова и вот, если Сеньке Голопузу верить, их путь теперь сюда лежит. Зубатыка с верхов, какой-то прокурор Эрлих, в газетке местной расхвастался, будто полсотни наших жиганов уже держат в Матросской тишине, в расход пустят, лишь последних дособируют на низах. Со всеми разом желают покончить товарищи одним столичным судом судить, так как урки в разных губерниях промышляли. Закон, конечно, ими придуман. Только исстари на Руси велось – атамана в клетку и прокатить по всей стране, чтоб потом принародно на плахе лютой казни придать. Мало что изменилось после царя-дракона, однако, думается мне, товарищ Эрлих загнул.

Казнят теперь действительно, раздувая пожар в газетках да среди публики, но расстреливают втихую во дворах тюрем. И насчёт скорого конца воровской слободы закавыка у товарищей вышла: рассыпался лихой народец в низах Волги, по речушкам да протокам схоронился, рано прокукарекали. Кто попрятался по своим щелям, а кого уберегли те, кто и раньше о нас заботился. Про Серафиму мелькнуло, что объявилась она уже с комиссаром каким-то под ручку. А вору куда? На любое готов, сам и в тюгулевку забьётся, лишь бы облаву пересидеть. Одно смущает: от сыскарей уйти хитра задачка, но выполнима, а вот куда от своих спрятаться? От тех, кто так же, как ты, всю жизнь промышлял вроде Панкрата и его братвы, а теперь чужаком тебя объявил и на свою территорию не пушает, чтобы шкуру собственную спасти.

Понимали мы с Китайцем, почему Панкрат на нас косится с первых дней и слезку Сеньке поручил. Только и мы не лыком шиты. И у нас против старосты камушек за пазухой. Одноногий жиган не из тех, за кого себя выдаёт. С самарских краёв малява успела до нас долететь, что нездешний он, корни его тоже жигулёвские и делишки остались такие, о которых сыскарям только шепни. Под чьей-то мохнатой лапой промышлял лихим ремеслом. Поэтому цел до сих пор. А в тюрягу засел, как и мы с Китайцем, передышку взять. Впрочем, имелся ещё и другой вариант: деревяшку вместо ноги недавно ему пришлось прицепить. Случилось это после того, как едва не сдох он от заразы да газовой гангрены в болотах, где с Чёрной маской, лихим самарским налётчиком, хоронился от обложивших их легавых. Кассу приличную на рыбзаводе взяли, а ног унести не смогли, вот и кормились лягушками в трясине. Как уцелел Панкрат, один он знает, только рта не откроет, хоть тесак суй меж клыков. А вот братва, что с Чёрной маской пряталась, вся канула в небытие. Сам-то Черная маска сдался, и шлёпнули его скоро, а Панкрата след затерялся. Звали его тогда, конечно, не Панкратом Грибовым, но прошло время и объявился в «Белом лебеде» староста с деревяшкой вместо ноги и той же рожей. Имел тот староста великий воровской багаж, а на нарах парился по пустяку – срезал якобы сумку у раззявы-нэпманши. Сенька Голопуз не знал, куда морду прятать, когда Китайцу эту сказочку впаривал. Китаец над ней язвил и плевался неделю, но я его успокоил. Шут с ним. У нас своих забот полон рот, к чему чужими грузиться?

А сам Панкрат, кумекал я, больше хорохорится. Стар он и слаб. Да и житьё на болоте здорово его подкосило. Сколько гложет меня глазищами, а вспомнить не может. Конечно, в обросшем бородищей да усами здоровенном бугае, каким я стал, трудно узнать юнца из уличной шайки, но я-то его заметил сразу, а уж как малява с Жигулей прилетела, больше не сомневался.

Слаб, слаб одноногий, думалось мне, не годится он в старосты. Надо нам с Китайцем перевернуть в камере порядок в свою сторону, о другом смотрящем за камерой подумать...

Поутихло слегка, задремал уже было и я, только чую – пихнул меня кто-то в бок. Скопил глаз, не оборачиваясь – кому не пропасть! – Сенька Голопуз моргает, подобралшись. Сойди, мол, к Панкрату, требует. Я время выждал – не следует поганцу думать, будто по первой команде на цырлах к нему понесусь. А напротив Китаец будто похрапывает, но шевельнул слегка ресницами – прикрою. Зевая, не торопясь, я поплёлся на променада до параша, а уж потом к старосте присел. Тот смолил махру, с деревяшкой возился, отстёгивал её у самого бедра.

– Газеткой разжился? – спрашивает.

– Сон перебил, – сунул я ему скомканный ком газетки. – Хватит? Или припёрло всерьёз. У меня ещё половинка имеется.

– Снабжают? – он бережно начал разглаживать листок. – На две-три закрутки хватит, а ты её на дерьмо!

– Заботятся люди, помнят и навещают.

– Да это же «Коммунист»! – крикнул староста.

– Газетка, она газетка и есть.

– С такими газетками в отхожие места не ходят, – зажмурил он один глаз, а другим в меня впился. – Иль не боишься легавых? То-то я смотрю особняком ты с желтомазым держисся. Или над башкой крыша надёжная?

– А мы неграмотные. Названий не читаем, когда самокрутки мастырим.

– И чего же тут прописано? – будто не слушая, разглядывал староста уцелевшие печатные колонки. – Ба! Да здесь же товарищ Турин собственной персоной! А вот и его верный помощничек Камытин рядышком! Знакомы мусора?

– А что?

– Ты читай! «Десять лет на тяжёлом посту, – медленно разобрал Панкрат заголовок и заторопился дальше. – Сегодня исполняется десять лет службы в уголовном розыске начальника губрозыска товарища В.Е. Турина и его помощника...» Ты что же? – руки его задрожали. – Играть в бирюльки со мной?

– Я ж говорю, неграмотный.

– Врёшь, сукин сын!

– А ты не сучи! – я враз изменил выражение лица. – Дело есть – будет разговор, а нет – ищи, кому не спится.

Мы долго поедали друг друга глазами.

– Весть имеешь насчёт Деда? – наконец змеей прошипел он.

Мне норова не занимать, но вздрогнул я, не сдержавшись. Больно уж злой огонёк горел в его зрачках, да и сам староста только зубами не щёлкал. А главное, про Ивана Легкодимова речь повёл, значит, решил действовать. Ну что же, подумалось мне, пора так пора, а то играем в кошки-мышки...

II

В ту ночь все спали плохо. Кто-то дохал в углу, надрывая лёгкие, стонал и вскрикивал Сенька Голопуз. Горбатый, самый близкий к нему на нарах, растолкал его, повизгивая, стращал чем-то. Потом гаркнул староста, и вроде все поутихли. Но утро началось и того хуже – с диких воплей.

Я очухался, когда крик ещё давил уши и, продрав глаза, успел заметить в свете тусклой лампочки метнувшегося с нар Панкрата. На одной ноге староста доскакал до бесновавшегося Горбатого и одним ударом кулака свалил Митяя. Вопль как взлетел, так и оборвался. Щуплое тело уродца завертелось юлой, вlepилось в стенку, обмякло и сползло. Зажимая разбитый рот, он замычал, дико замахал свободной культей в сторону параша. Там кто-то неестественно громоздился. Как ни орал Панкрат, ни осаживал всех на места, подскочив сам к двери камеры и барабана караульным, многие сорвались с нар.

Несладкая открылась им картина: над отхожим местом громоздилось тело Сеньки Голопуза, ткнувшегося носом чуть ли ни в самое дерьмо. В горячке кто-то схватил его за сваявшиеся космы и отвалил тело на спину. Тогда все и отпрянули – в левом боку шестёрки¹ торчала рукоятка заточки...

¹ Шестёрка (*воровской жаргон*) – мелкий вор, тайный осведомитель, исполняющий приказания старших.

III

Короток век вора. Вор, пока молод, зависит от удачи. А не выскочил в авторитеты, когда фартило, ложись под пику или гноись в шестёрках. Сенька Голопуз последнее время перебивался на самом дне, в тюрьме прилип к Панкрату, того и вызвали на допрос первым, лишь санитары уволокли тело. Мурыжили Панкрата почти до полудня, а потом взялись по очереди за остальных, но нас с Китайцем не трогали. Занимались этим тюремные сыскари. Их было двое, не справлялись. Китайца выкрикнули только под вечер, и он пропал. Давно скомандовали отбой, но в камере не думали спать, шушукались, жались возле старосты. Тот отмалчивался, тискал свою деревяшку. Мне предстояло готовиться на допрос в ночь...

IV

До самого утра вызова я так и не дождался. Объявили кормёжку. Про случившееся и про Китайца больше не заикались. Спросить не у кого, без того все косились на меня и сторонились, словно прокажённого. Староста откровенно воротил от меня голову, а других гонял и орал по пустякам. Когда в мёртвой тишине закончили жевать и урки потянулись с пустыми мисками к глазку в двери, надзиратель объявил, что в наказание за происшедшее все лишены прогулки на неделю. Недовольная ругань снова посыпалась в мою сторону. Впрочем, меня это меньше всего угнетало, мучили мысли о дружке. Что с ним? Китайцу убивать Голопуза не было никакой надобности. Если и имелась, хватило бы ума поделиться намерениями со мной и не совершать этого в камере таким варварским способом. Паскудный конец собственному прислужнику и соглядатаю, несомненно, учинил Панкрат. Сенька уже ни к чёрту не годился, мы с Китайцем чуяли его за версту, из тех, кто обитали в камере, были и похитрей, а заточку, что в его боку оказалась, я сам не раз видел в руках старосты. Хоронясь, он устранял ею неполадки в своей деревяшке и ловко прятал потом от возможных шмонов². Кончил Панкрат своего гадёныша, догадывался я, чтобы обвинить потом в убийстве нас с Китайцем. Взять хотя бы последние наши переговоры, на которые Панкрат меня пригласил и которые закончились плачевно. Я сразу дал понять старосте, что прогнуться под него нам с дружкой нет нужды, наоборот, намекнул про его прежние делишки с Чёрной маской и странное спасение, когда его подельников, не задумываясь, к стенке поставили. Панкрата сразу покорежило, чем он себя и выдал. Получалось, убийством Голопуза он объявил нам войну... Не ожидал я такой прыти от старосты, ругал теперь себя за опрометчивость: старый упырь оказался проворнее и сметливей. Ему хватило нескольких часов, чтобы организовать злодейскую подставу. Я винил одного себя в заварившейся катавасии. Китаец поплатился за моё ухарство, Панкрат пошёл ва-банк и не успокоится, пока не покончит со мной. Корил я себя нещадно и за другую ошибку – во время ночной стрелки³ не выведал у старосты, где мы с дружкой перебежали ему дорожку. Врагов он учуял в нас давно, подлость готовил тщательно. Выбрал в жертву ненужного ему слюнтяя и первым нанёс коварный удар.

Всё сходилось в моём философствовании, пока другая ужасная догадка не пронзила мозг – за старостой может стоять более значительная и властная фигура! Этот человек нам с Китайцем неизвестен, скорее всего, он не из «Белого Лебедя», а за его пределами обитает. Неужели он из одной конторы с Борисовым?!

Так или иначе, теперь передо мной стояли две задачи: уберечься самому и не оказаться мертвяком у параши, подобно Голопузу да найти таинственного хозяина Панкрата. Ничем другим помочь своему дружке я не мог. Оставалось надеяться, что и он не спасует.

Вспомнил я день, когда встретились мы с Китайцем, и слегка отлегло от сердца – не из таких он, чтобы сдать товарища...

² Шмон (*воровской жаргон*) – обыск в камере.

³ Стрелка (*воровской жаргон*) – забить стрелку – назначить переговоры из-за конфликта.

V

Было это несколько лет назад, но память хранит ту встречу, будто вчера виделись.

Под лапу нового хозяина и крышевателя Дилижанса я угодил, дёрнув от лягавых из Самары. Но один ему был никуда не годный. Дилижанс нашёл мне проворного напарника. Раньше я про таких желторожих и шустрых не слышал никогда. Сунулся к Прохору Курагину, верному шептуну Дилижанса: зачем нам мартышка понадобилась, а старик отвёл в сторону и посоветовал при новичке не называть его так, китаец, хоть и мал, но коряв, а по форточкам да иллюминаторам пароходным шнырять лучшего спеца не найти. Наказал язык прикусить, а делать, что велено. Новичку, как водится, проверку следовало пройти. Случалось, братва лихая попадалась, но на баб падкая. В нашем деле – это лишние хлопоты, из-за них и гибли по собственной слабости.

Ну, как положено, раз мой подопечный, приглядеть за ним поручили мне. Был он неразговорчив, держался обособленно, по утрам разогревался до пота гирями и как обезьяна прыгал по стенкам, пытаясь пяткой своротить дубовый дверной косяк. Это зарядка – гимнастика у них такая, джиу-джитсу называется; я попробовал за ним повторять – ничего не вышло, кости не те, не гнутся. А вообще на глаза ему не лез. Он откликнулся на кликуху Китаец, как и назвал его приведший Курагин, а настоящего имени его не знал никто.

Поначалу наладил Прохор к нему задрыг, велел насчёт баб проверить. Китаец тощ, но жилистый, отрядил он ему двух. Девки видные, бока гладкие и дело своё знают, но тот не клюнул и водяры не коснулся, выставил обеих через пять минут. Дверь чуть в щепки не разлетелась, так он с ними простился. Нацмен, смекнул я с опозданием, у них с этим строго, ну а Дилижансу Прохор потом объяснялся: шкет желторожий, видать, калека скрытный, вот две обученные кобылки и не смогли его пронять! Дилижанс хмыкнул и заторопил заканчивать с проверкой, упрекнув за некачественный женский контингент.

Следующим звеном были Лёвик Коновал и Адам Ямгурчевский – оба из цирковых борцов, среди своих их кликали «ломом подпоясанными». Я заикнулся, что покалечут Китайца бугаи, но Дилижанс цыкнул – не в приказчики нанимаем желторожего, и Прохор, вручив Китайцу деньжат, обозначил забегаловку. Задача Китайца выглядела простой: заказать столик и выпивку, да ждать «гостей», которые найдут его сами, и перетереть с ними одну заказку. Но выпал новый конфуз. Лёвику он сломал нос, а Адаму повредил что-то в паху, и того с неделю наша ведунья бабка Чара выхаживала. На этом дрессировка Китайца кончилась, допустили его к делу...

* * *

Вот тогда и пришла наша с Китайцем пора, да и тошно уже становилось – заклевал Курагин. «Откармливаю, будто на убой, – бухтел он по утрам, появляясь со жраньём в сарае, где мы в основном обитали. – Пьют да жрут, а толку не видать. И будет ли?» Говорил он о нас в третьем лице, как о скотине, выдерживаемой на убой или на продажу, впрочем, особенно не усердствовал, видать, знал и другое, поэтому больше язык держал за зубами, побаиваясь нас обоих и особенно сторонясь меня. Сарай же на ночь припирал дрыном и ночами вставал, обхаживая двор кругом. Не раз слышал я его грудной кашель, когда самому не спалось. Ворочался и Китаец...

Засидевшись от безделья, вдвоём мы лихо взяли несколько подвод рыбопромышленников, устроив засады в разных местах. Лёд только встал, и на санях нам удавалось без особых хлопот появляться внезапно и незаметно. Везло или ловко у нас получалось в паре, но обходилось без особой стрельбы, а главное – без крови. Обозники разбегались сами, бросая и ружья, и

поклажу, и лошадей. У страха глаза велики, а в темноте не разобрать, двое нас или целая ватага разбойников. Добычей распоряжался Курагин, засветло угоняя телеги и лошадей в известное только ему место. Мы заваливались на сеновал в сарае с припёртой дверью, как обычно, и дрыхли до вечера, а то и всю ночь, если работы не было. Находил её нам, понятное дело, Курагин, но и он перед этим укатывал надолго в город, встречаясь, наверное, с Дилижансом.

Странная эта личность – Дилижанс. Он будто чудом уцелел с тех давних царских ещё времён. Лыс, пузат непомерно, но лёгок на ногу, как и на язык. Порхает и чирикает. Даже в зиму носит светлые старомодные тройки и штиблеты, надраенные так, что в них можно смотреться. И манеры, и голос – бывший владелец публичных домов – ласков и упредителен. Я всё допытывался у Курагина про его хозяина, но тот отфыркивался, как спесивая лошадь, всё время ему было не до меня. А однажды зло бросил:

– Отстань! Если б не знал ничего про твою рожу, подумал бы, что в уголовке служишь. Корней его звать. Корней Аркадьевич, а семья его сплошь музыкальная. И его этому учили. То ли на скрипача али на рояле. А он человеком стал. Она кем управляет.

– Урками, что ли?

– Ты ещё кому ляпни, тебе язык-то быстро укоротят!

Впрочем, о Дилижансе это я так, без интереса. Нам его видеть не было надобности, и мы его, понятное дело, не особенно интересовали. Всё бы так и шло, если б ни одна закавыка: у Китайца сразу как-то не заладилось с винтарём. Прохор ему обрезы не раз менял, объяснял часами, разбирая и собирая механизм, но, будто издеваясь, оружие Китайцу не подчинялось. То оно выстреливало у него в руках само собой без всякой причины, то заедал курок или случались осечки в самый неподходящий момент. После одной из таких осечек Китаец в сердцах во время нападения бросил обрез на снег, выхватив из тулупа железяку, напоминавшую веер, едва не отрубил вздумавшему сопротивляться обознику руку. Несчастный выронил ружьё и без чувств свалился на подводу. Пришлось нам перевязывать его, чтобы не истёк кровью, везти к первому попавшемуся на берегу домику, где мы и бросили его у ворот, побарабанив в закрытые ставни.

С того случая одарил я Китайца своей двустволкой, никогда меня не подводившей, а про обозника, не сговариваясь, мы от Курагина утаили.

* * *

Зима между тем свирепела.

На Волге стужа лютая да ещё с диким ветром из года в год не редкость. Но в предновогодний месяц творилось несусветное. По ночам лёд трещал так, что пугал случайных прохожих, припозднившихся из города и перебежавших речку, барахтаясь в намётанных сугробах.

В очередной засаде мы оба здорово околели, хотя и бросили под себя драную овчину, выделенную Курагиным. Я-то ещё пригублял время от времени из припрятанного флакона, а Китаец совсем пропал. Синий нос его сосулькой торчал из собачьего малахая, но губы кривил и отмахивался, отказываясь от самогонки.

Засада устраивалась вторую ночь, в разных местах, последний раз мы удачно разместились в камышах на неприметном островке, миновать который обозникам никак нельзя. А толку никакого! Кондратия Хлебникова, знатного рыбопромышленника, подводы которого мы караулили, будто предупредили.

– Профукали... продрыхли... – матерился пуше обычного Курагин, прикативший за нами под утро на телеге. Он зло кашлял, нещадно стегая кобылу, то и дело оборачиваясь, лез своей красной физиономией почти вплотную, обнюхивая и подозрительно оглядывая каждого, но в основном косился на меня. – Новый год на носу, ужель Кондратий Варфоломеевич

Хлебников изменил привычке радовать городских людишек своими разносолами? В ресторанах «Аркадия» да «Модерн» небось заждались.

– Зачем ему ночью тайком корячиться? – огрызнулся я. – Он среди бела дня заранее кого надо было объехал. И вручил подарочки под звон бокалов.

– Калякай мне! – коробило Прохора. – Таковую снедь на царский стол не грешно! Это тебе не килька, не хвосты вашим да нашим! Не кулёчки праздничные! Он новогодние заказы по ресторанам развозит. А с них знаешь, сколь поимеет? Другим купчишкам да дельцам за год не срубить!

– Нам не до жиру! Живот к позвоночнику примёрз. Звенит нутро от холодрыги. Стопку бы поднёс.

– Доедем до сарая, хлебнешь своё! – Курагин аж задохнулся от злости. – Да ты, я чую, и без того хорош. Роба твоя, Красавчик, мне не нравится. Хватил опять?

Красавчиком меня прозвали давно за пару шрамов во всё лицо. Как глаза уцелели, неведомо. Штопавший меня в тюремной лечебке лепило не уставал удивляться. Но заросло как на собаке, а кличку я возненавидел и глотку бросался перегрызть, если забывался кто.

– Не дождёшься, когда я сдохну? – схватил я Прохора за грудки и чуть не вытряхнул из тулупа.

– Да что ты! Что ты, шальной! – перепугался он. – Дружок твой вона молчит...

– И его надолго не хватит. Ещё одна такая засада на голом льду и останется от нас хрен да маленько!

– Мне зачем шумишь?.. – залепетал Прохор. – Корнею Аркадьевичу докладывай.

– Он думал, прежде чем в такой кулдук нас отправлять?

– Ты это... И его критиковать?

– Чужие места! – оттолкнул я от себя коновода. – На верную гибель нас сюда загнали.

– Да что с тобой, Павлуш? Остервенел словно. Откуда чужие?

– Люди Бороды нас ущучили! – выдохнул я в его рожу. – И не с таким вооружением, что у нас. С винтарями настоящими. У легавых видел? Налетела давеча банда и очухаться не успели. Кончили бы на месте, не сыграй я под дурачка.

– А чего молчал?

– Пригрозили по первой, чтоб уносили ноги, если жизнь дорога. Галдят, что их это промысел и баста!

– Унюхали, значит, – растянул губы в презрительной усмешке Прохор и шапку на затылок толкнул. – Объявились! Ну наконец-то!

– А ты знал? – оскалился я. – Чего лыбишься? Поминки бы уже справлял по нам. Их несколько рож! И главный какой-то Борода. Не уприди я Китайца, неизвестно, чем дело бы обернулось.

– А про Бороду откуда весть имеешь? – не придал он моим словам никакого значения.

– Кликали так его подельники.

– При вас? – не поверил он.

– Вгорячах... А чего скрывать-то? За атамана он у них.

– А выглядит как?

– Чего пытаешь-то? Не на допросе.

– Говори, раз интересуюсь, – изменился в лице Прохор, а глазищами так и ест.

– Ну, с бородой... – отвернулся я.

– Бороды разные.

– Культурная бородка. Буржуйская. И усы.

– А ты не ошибся?

– Да он мне так по морде смазал, что век не забыть, – сплюнул я от душившей злобы. – Теперь должок за мной. Кровью смоем, если встретимся.

– Это по-нашему, – крикнул Прохор и по плечу меня похлопал, но враз унялся, как я покосился. – Значит, погнали вас с островка?

– Пригрозили.

– И подводы Хлебникова их добыча?

– Ту добычу ещё ухватить надо! – заскрежетал я зубами.

– Завтра поглядим, чей островок-то, – утёр хлюпающий нос Прохор. – Завтра померимся за добычу.

– Тебе откуда знать, что подводы будут? Купец Хлебников лично позвонил?

– Звонил, звонил, – снова хлюпнул он носом. – По тряпчному телефону. Новости Корнею Аркадьевичу сам докладывать будешь. За эту весть он с тобой стопку подымет. И не одну, если дело выгорит.

* * *

Завертелось, загорелось дело, только выгорело не так. К Корнею Прохор меня не повёз, тот собственной персоной к полудню пожаловал. Мы отсыпались с Китайцем, нас разбулгачили – и к нему. А во дворе Курагина уже несколько новых рож, одна другой краше. Обрезы не прячут, готовятся, злые, как черти.

Из всех уркаганов я знал лишь Коновала. Он подмигнул, хотел что-то сказать, вроде как поздравить с чем-то, но Прохор уже ташил нас с Китайцем наверх, в дом, на второй этаж, где Дилижанс учинил настоящий допрос. Был он не один: лицом к окну, к нам спиной, в кресле сидел неизвестный, по-военному коротко стриженный черноволосый мужчина. Чувствовалась значимость большая в его прямой спине, хотя он ни разу не обернулся. Задавал вопросы редко и тихим голосом, Дилижанс при этом замолкал и старался не двигаться по комнате, пока тот не заканчивал фраз.

– На этот раз лёгкой прогулки не получится, – шепнул я Китайцу, когда нас отпустили. – Ночка светлой будет от пальбы. Вон сколько братвы нагнали.

– Уважают они бородатого, – Китаец попытался изобразить улыбку, которая показалась мне волчьим оскалом, и лицо его желтое обычно, вроде как почернело. Не видел никогда я его таким.

– Ты свой веерхвати. Пригодится.

Он не ответил.

– Поклясться могу, не очень-то поверил нам их главный, – пытался всё же я его разговорить, мне после того допроса самому было не по себе. – Интересовал военного Борода. И рост, и привычки, и цвет глаз. Я что ему в глаза заглядывал? Ночью-то? Под дулом ствола?

Но Китаец молчал. Он и вообще не говорлив, а теперь словно язык проглотил. Проклиная всё на свете, я принялся драить свой наган. Он всегда при мне, потому что в ближнем бою удобен. Китаец тоже повертел в руках двустволку, а увидев, как я потею, словно опомнившись, вытащил свой веер и принялся за него. Работа ему предстояла осторожная и аккуратная, каждое сверкающее перо в смертоносном опахале могло ужалить, и он пыхтел от усилий.

– Мы теперь с тобой за приманку будем, – напомнил я ему. – После нападения драпать к берегу станем, где основная наша братва схоронится... Ну и правило знаешь: друг от друга ни на шаг и спина к спине.

Он мрачно кивнул, так и не открыв рта. И когда Прохор по обыкновению привёз нас к островку и укатил, оставив, тоже не проронил ни слова.

Замаскировавшись в сугробе и выложив перед собой оружие, мы молчали. Говорить было не о чем, оставалось ждать. Высилось над нами звёздное небо, тишь резала уши, и малейший звук, летя по льду из бог весть какой дали, отдавался барабанным боем в сердце.

Стук подков слышали разом. Без команды расползлись от дороги по обе стороны, пропуская подводы между собой, замерли, поджидая. Подвод оказалось три. Когда поравнялась первая, я выскочил перед мордой лошади, заорал и, не дожидаясь, пальнул вверх, опасаясь, что у Китайца что-нибудь не заладится. Но тут же дважды грохнуло позади третьей подводы, это у Китайца сработало. «Только почему из обоих стволов?» – с опозданием ударило мне по мозгам.

Обозники слетели с телег, утонув в сугробах. Получалось, как по маслу. Запрыгнув на лошадь, я погнал первую телегу к берегу, где поджидала по договорённости остальная братва. Но, словно почуяв неладное, оглянулся: Китаец возился с отставшими телегами. Шарахнулась от выстрелов вторая кобыла, и он мыкался, подтягивая к ней третью с поклажей.

– Давай, мать твою! – заорал я ему. – Догоняй!

Но тут выскочили всадники. Откуда их принесло, я не заметил. Но это были не наши. Пуля просвистела мимо уха, загрохотало и справа, и слева, лошадь моя взвилась вверх и понесла. Я упал, сильно ударился, очухался от острой боли в ноге и, когда попытался подняться, рухнул, словно подкошенный. Очнулся, вокруг никого, стрельба велась у последней телеги. «Вот и пригодится наган», – мелькнула тоскливая радость и, закусив губу, чтобы не застонать, я пополз на выстрелы. Два всадника кружили возле перевёрнутой телеги, упавшая лошадь хрипела, где-то в поклаже прятался Китаец. К нему они и подбирались, должно быть, забыв про меня, остальные унесли за канувшей поклажей. Мне оставалось уже метров десять, когда всё кончилось. Китаец угрохал всё-таки одного, но второй стоял над ним, упираясь винтарём в грудь и что-то орал, благословляя в последний путь или упиваясь удачей. Откуда-то с берега доносилась сумасшедшая перестрелка.

Ползти я не мог, силы кончились. Револьвер дрожал в руках и, целясь, я молил Бога, чтобы не дал потерять сознание: над Китайцем стоял сам Борода! Я узнал его по визгливому крику; ухоженная бородка вздрагивала в лунном свете при каждом его вопле. Одно мешало стрелять, не укладываясь в моей голове, – на Бороде была милицейская форма!

– Скотина! – визжал он. – Я же простил! Отпустил с дружкой прошлый раз!

Он оглядел вокруг себя навороченное: трупы лошадей, убитого товарища, перевёрнутые повозки:

– Здесь тебя кончу!

Щёлкнул затвор его винтаря. Но я нажал на курок раньше.

Под мат, проклятья и стоны полуживой Китаец тащил меня на себе по снегу. Потом силы оставили его, и лунный свет поблёк для нас обоих.

* * *

Наткнулся на нас Коновал, когда, отчаявшись, все уже бросили поиски, да и опасно становилось – рассветало.

Оказывается, полз Китаец совсем не в ту сторону и достались бы наши грешные тела волкам или одичавшим собакам, если б не Коновал.

– Ты мой должник, – заскочил он в сарай, за ним показалась и бабка Чара, выхаживавшая нас. – Примешь для промыва нутра? Эта ведьма заморит вас отварами да мазями, – украдкой он вытащил бутылку самогонки. – А моё средство верное!

Но распахнулась дверь шире, и в сопровождении Прохора возникла фигура Дилижанса. Толстяк, держа в руках шляпу, нагибал лысую голову, чтобы не задеть притолоку и паутину, свисавшую тут и там. Прохор старался забежать вперёд, выгоняя Коновала, но наш спаситель смылся сам, знал своё место.

– На ноги, на ноги, орлы! – бодро гаркнул Дилижанс, остановившись в нескольких метрах от нас.

Неприглядная обстановка, грязь и запахи лечебных настоек явно смущали его, не скрывая, он брезгливо морщился.

– Залежались, – поддакнул Прохор, не разгибая спины. – Балует их старуха.

– Пора, пора! – помахал перед нашими глазами ручкой в перчатке Дилижанс. – Готовлю вам интересную работёнку, орлы. Опоздаете, другим достанется.

И он заспешил на свежий воздух, Прохор, кашляя, успел опередить его и распахнул дверь.

– Сука! – процедил сквозь зубы Коновал, появляясь из темноты угла. Он, оказывается, и не думал уходить, спрятавшись в углу, и снова сунул мне водяру. – Ну что, примешь?

Я покачал головой, распухший язык всё ещё мешал говорить.

– Тогда, может, покуришь?

С его помощью я кое-как приподнялся, нога не разгибалась, старуха еще раньше пришпандорила к ней дрын.

– Как дитя, право, – хмыкнул Коновал, кряхтя, взвалил меня на спину и сволок к двери. – На сеновале курить нельзя. Прохор припрётся, хай подымет. Он пожара пуще смерти боится.

Мы осторожно закурили, приоткрыв дверь, и тут же услышали голоса. Дилижанс, стоя посреди двора, о чём-то выспрашивал Курагина, тот лебезил, только задницу ему не лизал.

– Так кто же кого из них тащил? – допытывался Дилижанс.

– А шут их знает, Корней Аркадьевич. Коновалу разве можно верить? Он вечно пьян.

– Говорю же, сука! – не вытерпел Коновал и рванулся в дверь, но я его удержал.

– Если Китаец, откуда в нём силы взялись? Тощий, как гвоздь.

– Красавчик, конечно. Не сомневайтесь, Корней Аркадьевич. Красавчик – бугай вон какой!

– Не скажи. Желторожий – мужик жилистый.

– Мартышка и есть мартышка... Лучше б сдох! Нам теперь в нем надобности никакой, не до пароходов...

– Ты о чем, старик?

– Может, я шепну Чаре, ведьме нашей?

– Это как?

– Назад, на тот свет, возвернёт. Она легка на руку, лишь прикажите.

– Отравить, что ли?

– И не заметит никто. Уснёт желторожий, и все концы.

– Ах ты, чёрт! – Дилижанс задохнулся дымом. – Чего городишь, старый хрыч?

– Как скажете...

– Они ж это?.. Герои! Теперь они мне знаешь как нужны? Братва только о них трёп и ведёт! Это ж какой пример нашим молодцам! Урки про них сказки такие разведут!..

– Эти умеют...

– Ты газетки-то читаешь, старик?

– Газетки? – хихикнул Прохор. – Зачем они нам. Жива была моя бабка, сходила с ума, а мне не до них.

– Перековывать тебя надо! – захохотал Дилижанс. – Товарищи повсюду о чистке заговорили, нам об этом тоже следует подумать. А что? В ногу со временем поспевать надо. Я их по-свойски наградить думал.

– Без этого не обойтись.

– Орлы-то наши, знаешь, как своим подвигом Ваську подняли?

– Василия Евлампиевича?

– Читал бы газетки, не спрашивал. Вот, послушай, – он захрустел бумагой, – «...за ликвидацию банды атамана Бороды, длительное время свирепствовавшей близ города и грабившей обозы рыбопромышленников, представлены к почётным грамотам»... – он прервался,

прокашлялся. – Это лишнее. Вот: «...сам атаман коварным и обманным способом проник в ряды нашей Красной милиции, поэтому долгое время был неуловим и ему удавалось вершить свои чёрные дела»... – Дилижанс поперхнулся, сплюнул, кашлянул, прочищая горло, сипловато пожаловался. – Всё у этих газетчиков в одной куче, пока до главного доберёшься... Вот: «Своей энергией, повседневным упорным трудом товарищ Турин честно выполнял все задания Советского Правительства, чем оправдал высокое звание Красного Пинкертона».

– Кого, кого?

– Уровень повышай, старик, – захохотал Дилижанс. – Вот тебе и Васька-божок! От самого товарища Полякова ему поздравления! Большой человек в губисполкоме! У них это, знаешь!.. – Он крякнул и продолжил: – «...Крепче держи Красное Знамя Труда, товарищ! Пусть оно ярко горит назло капиталистам и на великую радость пролетариям Земного Шара!» Но то бумага. А Василия нашего ещё и по службе продвинули. Теперь он ого-го!

– Вона, значит, куда дотянулся...

– Вознёсся, старик. Вознёсся. – Дилижанс высморкался. – А за тех двоих молодцов теперь ты в ответе. И ведьме своей скажи, чтоб ни-ни!

– Да упаси Бог! Я что же... Как вами велено будет.

– Через неделю чтоб оба на ногах были. А встанут – ко мне.

Хлопнула калитка во дворе. Коновал затушил окурки и свой, и мой в собственной огромной лапше, бережно перетащил меня на сеновал.

– Так, – потрепал он меня за волосы, – Красные пинкертон, значит...

Развернулся и ушёл.

Тем закончилась наша встреча с Китайцем, впрочем, что я мелю, так началось наше дальнейшее содружество.

VI

Не надо большого ума догадаться, что последовало дальше. Вонючка, новая шестёрка Панкрата, утром уже рассвистел, что Китайца увезли из «Белого лебедя». Взялись за него якобы настоящие сыскари из уголовки. Прикид следовал очевидный: моего дружка будут раскручивать на убийство Голопуза, а на всякий случай подвешат с дюжину дохлых кражонок, числящихся нераскрытыми, или какой-нибудь гоп-стоп⁴ завалящий. Это нормально, значит, назад из конторы раньше недели его не возвернут.

Раз меня оставили в покое сыскари, смекал я, местными разборками в камере займётся сам Панкрат. Я у него теперь, как кость в горле. Вонючку ко мне он уже приставил, тот мозолит глаза, отрабатывает усердно, но я пока сдерживаюсь.

Панкрату, конечно, также понадобится время подыскать заплечных дел мастеров, чтобы толково и без хлопот посадить меня на перо⁵. Закавыка у него серьёзная, рассуждал я, уныло хлебая обеденную баланду и карауля из-под бровей каждого подозрительного из сокамерников. В этой своре отчаянных урок, желающих заработать на моей шкуре, достаточно, но одноногий подыскивал таких, чтоб без промаха. Поэтому я тоже с интересом прикидывал охотников по свою душу. Набиралось с пятток, реальных отмежёвывалось мною трое: Халява – уж больно он в деньгах нуждался, проигрывая в карты, задолжал многим. Ловок с финкой управляться, как-то по злобе метнул заточку в Ваньку Крысу, обвинив того в мухлеже при раздаче, пол-уха ему отхватил, а железяка, пролетев метра два, впилась в стену чуть ни на четверть. Вот это удар так удар: стенка не деревянная, а каменная! Халява завалит за один взмах, если не уследить, уворачиваться поздно будет. Он поджар и ловок на ноги, не ходит, а стелется полусогнувшись, словно лиса в курятнике, и звука шагов не слышать.

Второй, без всяких сомнений, Валет. Черноусому брюнету с былой белогвардейской статью на балах с дамочками танцевать, а он в задрипанной шинели на нарах прохлаждается. Но главное – его глаза, в них запала такая идиотская печаль, что лучше не заглядывать. Поговаривали, он с придурью, был на фронте в Первую мировую контужен, не обошлось и без лечебницы для психбольных. Но не все верили: после Гражданской многие лепили горбатого, напуская на себя разного. Псих этот был опасен непредсказуемостью. Ну и третий – Дантист. Про натуру его нетрудно догадаться. Кличка подчёркивала его увлечённость: изошрён в жестокостях и пытках. Просто садист. Он прославился ещё в банде Ворона, кости которого давно сгнили. Рассказывали, что Дантист и своих провинившихся не щадил. Кочевал из одной кодлы в другую, вожаки брали его на роль палача. Редкая профессия, но нужная...

Конечно, к тем дням, о которых рассказ ведётся, Дантист постарел, сетовали, пыл не тот и прыти поубавилось, однако смельчака открыто сказать это не находилось.

Глаз на ушлую троицу я положил не зря, Панкрат с некоторых пор приблизил их к себе, снизошёл староста, так сказать, до личного общения. Наблюдая, я убедился, что одноногий ведёт с ними тайные переговоры.

Одним словом, перестал я спать по ночам. Днём клевал носом, а с отбоем старался глаз не смыкать. Раньше Китаец мне спину берёт, а я – ему, теперь каждый шорох поблизости мог быть смертельным. Однако, хотя и дублёные у меня нутро и шкура, а без сна долго не продержаться, да и ждать в драке первого удара – верная погибель, поэтому, подумал я, подумал и однажды в самом начале очередного обеда опрокинул, будто невзначай, содержимое своей миски на рожу Халявы. Я его первым выбрал, больно уж он поглядывать стал со значением, будто выбирая

⁴ Гоп-стоп (*воровской жаргон*) – разбой.

⁵ Посадить на перо (*воровской жаргон*) – убить.

место на моём теле; как ни обернусь, он пялится и тут же спешит отвернуться. Всё с улыбочкой ядовитой. Точно гадюка! Голову прижмёт и буркалы жёлтые прячет.

Миска товарная была, увесистая, а главное, ровно пропечаталась на его физиономии, мало что кашей зенки ему залепила, нос свернула на бок, ну и зубы затерялись бы под ногами, если б Халява их вовремя не проглотил вместе с хлынувшей кровью. Ногой-то можно было не трогать, но живот безобразный он отрастил, так свисал, что грех было его уже не поправить... Он и успокоился на полу. Первенький из троицы.

Так я угодил в сундук. Кто там не был, не советую торопиться; мне-то по нужде пришлось туда лезть, карцер похлеще, чем в подвалах Бутырки: без окошка, под ногами тьма крыс и вонь от прогнившей влаги. Как нос ни затыкай, а дышать чем-то надо. Выбирать не приходилось, зато я там всласть выспался в первые сутки. Но благость испортили крысы, затеяли настоящую охоту за моими ногами. Подёргался я, повоевал и с тоской подумал, что больше недели не стерпеть, останусь без башмаков, а там и без пальцев. Спас вертухай⁶, весть от барина⁷ принёс, что наградил он меня всего тремя сутками, и я успокоился – перекантуюсь, в камеру возвращусь, а там видно будет.

⁶ Вертухай (*воровской жаргон*) – надсмотрщик, конвоир в тюремных коридорах.

⁷ Барин (*воровской жаргон*) – начальник тюрьмы, ИТК.

VII

Но потревожили меня раньше.

Накануне, измучившись от крысиной возни и визга, задумал я на них облаву. Свет в сундуке горел постоянно, определиться когда день, а когда спать пора, невозможно, я ориентировался на глазок надзирателя – хлопнет он, просунут в окошко кружку воды и корку хлеба, значит, приняв харч, пора укладываться, заматывать ноги поплотней разным барахлом, что, может, когда-то и называлось одеялом, укрывать на всякий случай и голову. Бывало, крысы шастали и по ней, пока дрыхнешь и не проснёшься от их допеканий. Но продолжалась идиллия недолго. Надоели им передышки или запах хлеба раздражал (им-то не доставалось ни крошки), но крысы изменили тактику и завели постоянную возню вокруг моих ног, желая испробовать их на вкус. Причём с некоторых пор я заметил, что количество их увеличилось. Глевшая под высоким потолком мизерная лампочка, хотя и была залеплена чёрной от погибших мух паутиной, однако свет чудом пробивался, и мне удалось приметить среди огромной стаи озверевшего вожака. Это было чёрное мерзкое чудовище, размерами и повадками напоминавшее ехидну с продолговатой пастью и щёткой острых мелких резцов. Хвост превышал его вдвое, волочился, и порой чудовище щёлкало им, как хороший пастух кнутом. Так это было на самом деле или мерцающий свет чудил надо мной, однако выстрелы, издаваемые хвостом, перепутать с другим шумом было невозможно, поэтому впервые стало мне по-настоящему не по себе. «Не привели ли эти твари своего матёрого вожака, чтобы поставить последнюю точку?» – подумалось, и подвальный холод, до того продиравший до самых костей, вдруг исчез, а я изрядно пропотел. Страшилище было окрещено мною Шушарой, и сразу же повело коварное наступление. Прячась так, чтобы я не видел, оно каким-то образом забиралось в тёмных углах по булыжникам вверх, выше моих нар, и внезапно пикировало оттуда на гору тряпья, под которой я выдерживал оборону. Продумано было хитро: вгрызалась Шушара своими клыками глубоко, разбрасывая всё и пытаясь добраться до моего тела. Тяжко пришлось уже от первой её атаки. Опомнившись, я попытался её схватить, но шерсть выскользнула из моих пальцев, она улизнула. Я снова затаился, но её смутили отпор и мои ухищрения. Шушара придумала новую подлость и теперь обрушилась на меня сверху уже с другой стены. Подготовившись, я тут же вскочил на ноги, но зверю вновь удалось удрать, при этом у меня был прокушен башмак и едва ни задет большой палец правой ноги. Он уже был у неё в пасти, но ударом второй ноги я сбросил тварь с нар и, спрыгнув вниз, стал топтать и давить всю смердящую и визжащую стаю. К моему разочарованию, Шушара удрала, хотя ей тоже досталось. Двух или трёх её подружек я безжалостно размазал по полу, и теперь передвигаться в камере следовало осторожно, чтобы самому не поскользнуться в месиве их останков и не грохнуться. Вони прибавилось, но вертухай лишь расхохотался на все мои просьбы выделить швабру и воду, чтобы хоть как-то зачистить пол.

– Воюешь? – хрипел он в глазок, наслаждаясь зрелищем и не открывая двери. – Давай, давай. Это тебе в качестве тренировки. И меньше дрыхнуть станешь, а то потолок трясётся от твоего храпа.

Крысы убрались, зализывая раны и справляя тризну по усопшим. Удивительно, но, когда через некоторое время с опаской я поднялся и отправился по нужде, трупы раздавленных тварей отсутствовали.

«Они утаскивают их в норы и пожирают!» – затошнило меня. Что-то ещё раз изменилось в моём сознании – мне почему-то представилась наиболее уязвимая нижняя часть моего тела, бедные мои худые конечности, в которые вгрызаются клыки этой паскудной Шушары. А вот уже и целые полчища этих мерзких тварей цепляются в меня, хрустят мои кости, ручьём льётся кровь и всё моё нижнее составляющее со вкусом пожирается ими!..

Треск перемалываемых челюстями костей был так естественен и натурален, что я вздрогнул и больно ударился головой о булыжники. Это вернуло меня к действительности, треск или посторонний неосторожный шум мне не почудился. К двери карцера кто-то подбирался, и её уже пробовали осторожно открыть. Вертухай так не ходит, смекнул я. Это-то и заставило меня насторожиться. Вертухай топает так, что его можно услышать за версту, он или сам боится один шастать по коридорам каземата, либо окриком предупреждает заранее о своём появлении, чтобы разбудить меня. Значит?..

На всякий случай, чтобы не сразу заметили, я на своём месте на нарах быстро сбил кучку тряпья, изобразив спящего, а сам примостился в углу под дверью. Чем чёрт не шутит?!

Скрипнул ключ в дверях, хотя чувствовалось, его изрядно смазали. Заскрипела бы и дверь, но её приоткрыли очень осторожно и медленно. Внутри просунулась голова. Долго прислушивался её владелец.

– Дрыхнет? – с нетерпением спросил тот, кто был сзади, так как голова вертелась в разные стороны, насколько позволяла щель и молчала.

– Не видно ни черта! Тут такая вонь и темень...

– Дрыхнет?

– Да не напирайте вы, Панкрат Семёнович! – прогневался Халява, шепелявя.

Я наконец узнал его голос. «А вторым выходит, староста припёрся на экскурсию, – смекнул я, – зачем же я им в сундуке-то понадобился?»

– Дырявь его, пока дрыхнет! – голос старосты подрагивал от нетерпения. – Не приведи господи, проснётся. Бугай он здоровый.

– Да не слышно, чтоб храпел...

– Ну и чего?

– Силантий, вертухай-то, успокаивал, что храпит лишенец, когда спит... Что-то тут не так...

– Здорово он тебя миской по башке шарахнул! До сих пор гляжу, в себя не придёшь. Или струсил?

– Да погоди, дай прислушаться.

– Чего тут слушать! – дверь распахнулась под напором старосты. – Дай-ка шило. Я его, падлу, насажу, и не шевельнётся.

– Нет уж, позвольте... – решил Халява. – Мои зубы дорого ему обойдутся!

И с этими словами он нырнул в карцер, бросился на гору тряпья и всадил руку в самую глубину.

Встать ему уже не удалось. Я навалился на него всей своей массой сзади, схватил обеими руками голову и дубасил её железную раму нар до тех пор, пока не почувствовал, как треснул его черепок. А потом обернулся к старосте. Одноногий, как застыл от неожиданности в дверях, так и стоял столбом, всё ещё недоумевая. Я сбил его с ног, помня опасность его острой деревяшки, и стал месить его тело ногами, как только что топтал крыс. Видно, я был в совершенном бешенстве или совсем без понятия от ненависти: я плясал на нём, не слыша ни хруста его костей, ни его воплей, ни окриков подбежавшего вертухая. Что-то тяжёлое ударило меня промеж глаз. Наверное, это была связка ключей. Сознание покинуло меня...

Когда я очухался, не двигаясь и приоткрыв один глаз (второй был залит кровью), в карцере переговаривались уже двое вертухаев. Тот, который опрокинул меня с ног, возился у тела Халявы.

– Ей-богу, насмерть! Вот мать его! – матерился он. – Весь череп ему раскроил, падла!

Его напарника больше волновало другое, он пнул меня ногой:

– Ты глянь на этого. Сам-то не угрохал Красавчика? Ключами-то, кажись, лоб ему разбил, – он лениво нагнулся, брезгливо поднял связку здоровущих ключей, долго обтирал их от крови, потом принялся за свои руки.

– А хрен с ним! – ткнулся мой обидчик к телу одноногого. – Глянь, он и Панкрата уколошил...

– Не может быть!

– Не дышит и этот.

– Ты грудь, грудь его послушай!

– Да я уже перемазался весь! Тут каша сплошная, а не грудная клетка. Истоптал ему рёбра этот слон.

– Чего же делать будем? – брезгливый выпрямился и опёрся о косяк. – До конца вахты часа два. Натворил ты делов, Силантий Феррапонтович. Дались тебе серебряники этого Иуды, – он пнул ногой теперь уже старосту.

– Ежели бы серебро! Бумага! А ты про свою долю забыл?

– Ты мне сунул-то кукиш! – сплюнул на тело одноногого брезгливый. – Договаривались насчёт одного Красавчика? Ты же сам обещал, повесят лишенцы этого бугая и назад?.. Объявим чистое самоубийство... А что мы имеем теперь?

– Что имеем?

– Три трупа! Я под этим не подписывался.

– Подписывался не подписывался, теперь поздно рассуждать. Задним умом все горазды, Степан Ефремыч. Что ж, заложишь меня?

– Подумать треба...

– Накину я тебе долю.

– А прокурор добавит.

– Да брось сопли распускать! Впервой, что ли? Не обижу.

– Сколько?

– Да всё, что одноногий собрал, тебе и отдам.

– Ну всё-то ни к чему, – потёр руки брезгливый.

– Вот и спасибоочки!

– Теперь и лепиле нашему подкинуть придётся...

– Соломонычу-то?

– А как же! Кто бумаги будет мастырить?

– Резонно. Ну так что? Поволокли, что ли?

– Бери первого за хомот, а я уж ногами займусь. Тяжёлый, бля, задрыга!

Они уволокли тело старосты, потом пришли за Халявой, я изображал дохляка до последнего. Лишь когда надо мной нагнулась санитарка, и тюремный врач разорвал куртку на груди, я открыл глаз.

– Господи! – отшатнулась санитарка. – Моисей Соломонович! Он живой!

Обоих вертухаев рядом уже не было.

VIII

Штопать меня не пришлось и из больнички выперли мигом, лишь перепуганный лепило вызвал местных сыскарей. Те, разнюхав про старосту и Халяву, собравшихся устроить мне самосуд в карцере под видом самоубийства, затряслись сами и начали ни свет ни заря трезвонить барину. Скандальчик не скандальчик, а заварил я им прецедент непредвиденного масштаба. С перепугу они перестали меня замечать, творили и трепали такое, чему ни глаза, ни уши мои никогда бы не поверили, но меня больше интересовала собственная шкура. С виду выглядело всё довольно пристойно – чистая самооборона, а вот уж как среди ночи мимо вертухаев ко мне пробрались два матёрых зэка, это их дело. Так рассуждал я, стрельнув мимоходом у одного из сыскарей папироску. Тот вгорячах не пожадничал, а когда под самое утро появился барин и стал наедине выпытывать в собственном кабинете, мне перепало и настоящего чая в настоящей татарской расписной чашке, и не одна ароматная папироска. Вздохмаченный и красный от всего услышанного начальничек щурил узкие глазки, раздувал щёки, правда, сахарку не предложил, но попроси я его, – подали бы и сахару.

Почти после каждого моего слова он хватался за трубку телефонного аппарата, но в нерешительности опускал руку. Так длилось с полчаса, пока я не замолчал, затем он вызвал заместителя, тот велел меня вывести из кабинета и ещё полчаса за стеной они кричали друг на друга. Потом неожиданно стихло, зам выскочил, хлопнув дверью, я уже начал думать, что про меня забыли и смелее пытался раскрутить на курево молоденького конвоира, но приехали из уголовки и меня увезли в свою контору.

В уголовке – малина. Там в камере предварительного заключения мне всё раем показалось. Среди прочей шпаны я сразу уснул, но скоро был разбужен, и меня повели наверх. Много не добавят, не горевал я, когда обойдя стул, на который меня усадили, к допросу приступил агент первой категории, назвавшийся Петриковым. Так он представился, лишь я заикнулся о папироске, а скоро я и про чай забыл, едва ускользая и увёртываясь от молний, которые полетели из пронизательных глаз слуги пролетарского возмездия. Мне стало скучновато; за окном, куда тянулась моя шея, происходили гораздо интереснее события, но после настойчивого совета побереечь её для карающего меча сурового суда, я сник. Крути не крути, а на что я надеялся? Угодил-то туда же, откуда чудом выбрался. Почище, конечно, одеты эти сыскари, слова подбирают, кадры особые, а суть одна. В общем, бился агент Петриков надо мной весь оставшийся световой день и ночью спать не дали. Не успел я по-настоящему провалиться в сладкое забытьё, меня растолкали, привезли куда-то. Снова повели наверх по широким лестницам. И здесь коридоры пустые и никого, кроме часовых. И здесь зашторенные наглухо окна, и что там, за ними, попробуй догадайся. Впрочем, ни на что уже не надеюсь, я ни о чём и не думал, жалел об одном – поспать не дали. За несколько дней после убийства Голопуза я, кажется, и в весе добрую половину потерял, и в росте убавился, и ноги не слушались меня, и голова ничего не соображала. Приморился Красавчик, только бы уснуть!..

Там, куда меня привели, света почти не было. Лампа на столе упиралась светящимся колпаком в пол, оставляя всё остальное пространство почти в кромешной темноте. И не было никого. Стол пуст. Но так лишь казалось. Это со света глаза мои утратили способность видеть. Я зажмурился, продолжая стоять. Чувствуя, что караульный ушёл, слегка открыл глаза. Проступили силуэты. Если лампу прикрыть ладонью, что я и проделал, можно было рассмотреть человека у другой стены. Он неподвижно стоял у приоткрытого окна, из которого веяло ветерком и свежестью. Мужчина курил, не оборачиваясь ко мне.

- Как кличут? – донеслось до меня.
- Красавчик, но мне не очень нравится.
- Другого имени не заслужил?

Я промолчал.

– За рожу?

Я проглотил и это.

– Послушать, что про тебя рассказывают, так тебя сам сатана спасает.

– Может, и он.

– Так бы и нарекли.

– Есть ещё время.

– Уверен?

– А что нам, уркам бездомным?

– Кому прибудняешься?

– А мне откуда знать? Вели – не объявили.

– Зубаст... А вот умён ли?

– А вы проверьте.

Мужчина развернулся, затушил папироску в пепельницу на столе, сел, отодвинув далеко стул, и закинул ногу на ногу. Его лицо по-прежнему оставалось в темноте, но кое-что под ярким лучом лампы я различил. Это был офицер высокого милицейского ранга. В парадной белой форме с орденом или почётным знаком на груди. Худ и невысок, быстр и даже резок, а голос жёсткий, с особым выговором каждого слова, будто он их подбирал, прежде чем произнести. Но это всё я уяснил потом, а сначала он лишь мелькнул причёской, когда садился, пригнув голову, не смог скрыть чёрных волнистых волос и широкой, мощной груди. Такой грудной клетки не спрятать, если и стараться будешь, такая только у волжских грузчиков. Но философствовать да рассуждать было некогда, я лишь успевал отвечать на его неожиданные вопросы.

– Как же обоих сокамерников завалил? – усмехнулся он.

– Жить хотелось.

– А от вертухаев как спасся?

– Мертвяком притворился, им не до меня было.

– Значит, схитрил?

– В бою кулак не главное.

– Не первых на это берёшь?

– Что вы, начальник!..

– Мы здесь одни.

– Хотелось бы верить.

– Моего слова недостаточно?

– Я вас даже не вижу.

– Васька-божок. Слышал про такого?

– Не приходилось. Чудно больно. Вроде в милиции находимся.

– Врёшь! – он поднялся и снова отошёл от стола к окну, закурил. – Кончай крутить! Бороду ты завалил?

– В газетках читал. Хвалили милицию. В начальники кто-то выскочил за счёт того Бороды.

– Ну хватит дурака разыгрывать! – вспыхнул он. – Или ты следователя Борисова так напугался, что до сих пор трясешься? Так я не Борисов.

Во мне всё перевернулось, но я промолчал.

– Забыл Жигулёвские горы? Про пароход «Серебряные глазки» да девку по имени Серафима? А она ведь, Красавчик, на тебя виды имела!

Эти слова, произнесённые громче обычного, зло и с дрожью, обрушились на меня градом. Словно булыжник за булыжником и всё на мою бедную голову: Жигули! «Серебряные глазки»! Серафима!.. Крякнул я, не удержавшись, заскрежетал зубами, а он опередил тише и глаже:

– Да не кидайся ты волком! Глянь, аж волосы на голове дыбом. Про Серафиму это я так. Сам её давно не видел, но по оперативным данным близко она где-то. Ущучили её в Саратове, как бросила спившегося комиссара. Того в тюгулевку за растрату, потом к стенке за связь с воровкой, а она хвостом следы замела. Но ты-то помнишь, у неё не задержится. Скоро у нас, на низах объявится.

– Вы, начальничек, мастер до сказок, – всё же запустил я свою наживку. – Про всё-то вам известно, только, гляжу, лица своего так и не открываете. Всё-то вы в тенёчек, за свет...

– Хватит, хватит клоунаду мне устраивать, – отмахнулся он лениво. – Зачем тебе моё лицо? Не видел ты его никогда и не надо пока. Ну а если не дурак, насмотришься, погоди, надоест ещё. Одно ответь – не забыл Стёпку Нагорного?..

Вот тут я вздрогнул второй раз.

– По кличке Штырь?..

Из тех, кто знал человека с этой кличкой, по моим расчётам, осталось в живых хрен да маленько: я, Серафима, Тимоха Саратовский... Вот, пожалуй, и вся компания. Остальные, если не по тюрьмам свои семь копеек⁸ дожидаются, то догнивают в земле их косточки или сожрали раки да рыбы.

– Не забыл, вижу. Давно получил от него на тебя маляву. Отписана она была, сам понимаешь, не на бумаге, бумаге – грош цена. Поэтому потерпеть тебе пришлось, прежде чем сюда попал и разговор со мной имеешь. Но ты мужик тёртый, понял, надеюсь, что мы тебя не слишком утюжили, поблажки давали. А то, что помытариться пришлось, сам виноват. Были у меня сомнения насчёт тебя. Чего теперь скрывать? Поэтому и пришлось тебе всю горькую, так сказать, чашу испытаний хлебнуть. А как ты хотел? Сам же и нагородил! С Бородой переборщил. Он у нас под колпаком ходил, мы его совсем не тем макарон в оборот должны были брать, а ты что натворил? Не следовало с ним так жёстко. Без смерти, без крови надо такие дела решать, мы бы его перековали, обратили бы в нашу веру. А ты шлёп пулю в лоб... Так всех можно перестрелять. Не метод это в нашей внутренней борьбе. Чистка – да, но следом перековка, а не террор. Другое время. Чуешь?..

Я плохо понимал, что он имел в виду и что втолковывал. Казалось, забыл он совсем про меня и беседовал сам с собой или себя убеждал.

– Не так уж был и плох Борода, – задумался он. – Не так плох, как казался. С головой дружил, а в нашем деле это многого стоит. Жаль!

Резко хлопнув ладонью по крышке стола, он двинул ею, будто смахивал крошки:

– Что было, не вернуть! Навредил тебе, конечно, дружок твой, Китаец.

– Он жив? – невольно вырвалось у меня.

– Жив, жив. Но разговор не о нём сейчас пойдёт. А времени у нас мало. И так я с тобой провозился. Тут, брат, осторожнее... тоже глаза и уши имеются.

Я молчал, переваривая всё, на меня свалившееся, на моём месте другим заниматься – только портить.

– Сам чуешь, выхода у тебя нет, – он пробарабанил марш пальцами по крышке стола, бравурности в такте не улавливалось, наоборот, тоска. – Тебе или лезть опять на нары и ждать добавки за старосту и тех негодяев, или...

– Прежде заточку в спину, – процедил я, не дослушав.

– Не исключая...

– А самооборона? – заикнулся я.

– Заткнись! – прошипел он так, будто крикнул. – Добавят лет пять! Хочешь?

Чего он от меня добивается, не понимал я. Чего ждёт? Столько времени на меня потратил, чтобы сообщить вот это...

⁸ Семь копеек (*воровской жаргон*) – стоимость пули в те времена; значит – ждут расстрела.

– Уж лучше в крысятник! – захрипел я. – Шушара в два счёта укокошит!
Он не проронил ни слова. Глядел, как я беснуюсь, молчал и постукивал пальцами по крышке. Истерика моя пропала сама собой.

– Водички не подать, псих?

– Закурить бы...

– И я не прочь.

Он каким-то ловким, неуловимым движением швырнул мне пачку папирос:

– Возьми на память.

Я, вытаращив глаза, поймал.

– Часовой! – позвал он чуть громче, а когда тот появился, кивнул на меня. – Прикурить!

Ароматная пачка грела мне грудь в дальнем кармане, когда сунулся я к легавому с припрятанной папироской молоденького конвоира.

– Предлагаю другое, – сказал он, будто не прерывался наш прежний разговор. – Пойдёшь агентом ко мне?

Я чуть не проглотил обжогшую губы папироску.

– Да-да. В доблестную Красную милицию. Как любит говорить наш мудрый товарищ Поляков, будем делать из несознательного элемента бесстрашного советского пинкертона.

Он помолчал, дожидаясь моей реакции, но мне сказать было нечего, я находился в состоянии полной прострации.

– Фамилию тебе подыщем вместе с легендой, – продолжал он, не дождавшись от меня ни слова. – Вызубришь, чтобы от зубов отскакивало. Внешность изменим. Оброс ты до безобразия. Похудеть придётся, сядешь на сухари и воду.

– И не слезал...

– Вот-вот, – не расслышал он, увлечшись. – Засуну тебя в самый отдалённый район, где макар телят не пас. На время, на время, конечно. Наберёшься опыта. А как понадобится, возьму.

Мне хотелось спросить, но я не успел.

– Теперь последнее, – он подёргал себя за чуб. – Мои люди, понимаешь, мои!.. будут называть тебя?.. – он приостановился, – так... Красавчиком ты был. Умерло с этим. После того как крыс одолел, да двух хорьков на тот свет отправил, наш Петриков тебя везунчиком окрестил. Везунчик, как?.. Подходит?

Я повертел головой.

– Не нравится. А что? Нормальная агентурная кличка.

Я совсем поморщился, оставаясь всё ещё на полдороге: верить во всё происходящее или молчать очумело.

– Вижу, не нравится. А имя должно нравиться, – он не ждал, он уже рассуждал сам с собой. – В нашем деле имя, как знамя. Вот что! Назову-ка я тебя Ангелом. Каково? Немножко из того, старого, так сказать, мира, но... Хочешь не хочешь, а имя это ближе к тебе лепится. В Жигулях ты атамана почти спас. Серафиму, красавицу нашу, сберёг, Бороду с моей дороги убрал – вон сколько плюсов. Паршивцев в карцере на тот свет отправить тебе сам Господь помог. Кто же ты? Ангел и есть!

Он недолго что-то писал за столом, потом ткнул кулаком в стенку, бросив мне на ходу:

– Заместитель мой. Мой, понял?

Слово «мой» он произнёс два раза. А мне два раза ничего повторять не надо. Я кивнул.

Вошёл кряжистый офицер, взял протянутый листок. Со спины я его сразу узнал, с Дилижансом он меня допрашивал про Бороду.

– Принимай пополнение.

– Василий Евлампиевич?..

– Оденешь, обуешь, оформишь и сам отвезёшь Серафимовичу.

- Василий Евлампиевич, с таким прицепом? Два покойника за ним!
 - Оформляй так, чтобы ни один комар! – перебил он. – И побрить немедленно. Вообще поработай над его внешностью. Надо спрятать на время.
 - Такого громилу?
 - Повторить? Чтоб через час в городе не было! В село его.
 - Есть, – вытянулся тот.
 - Всё, после договорим.
- Ко мне он так и не подошёл. И руки не подал. И слова не сказал. Да и лица его я так в тот раз и не увидел...

Часть вторая. Красные пинкертон

I

Что понимал в женщинах этот плюгавенький, неряшливый до брезгливости человек? Что о них мог знать?..

Василий Петрович Странников икнул, слегка качнулся на нетвёрдых ногах, но устоял и уколол хмурым взглядом не в меру расшумевшегося Глазкина. Заместитель губернского прокурора и в трезвом состоянии отличался велеречивостью, а теперь, под изрядным хмельком, да после интимных волнений, что называется, поплыл-поехал. Из дверей дома на крыльцо они высыпались гурьбой, хотя и старались соблюдать степенность. После долгого застолья, жарких объятий в укромных альковах, дурманящего запаха горячих до влажности женских тел полуночная тишина и свежесть близкой набережной приятно расслабляли и успокаивали. Все обмякли, остывая, но только не расходившийся прокурор. Он замыкал компанию, затеял целовать ручки Татьяне Андреевне, несравненной хозяйке, спустившейся их проводить, но его занесло при поклоне и, если бы не перила да подоспевший сластолюбец Иорин, быть бы ему в кустах под оградой.

«А ведь этот прокуроришка сегодня представлен мною самому Константину Стрельникову! – покорило опять Странникова. – Крупному магнату! Богатейшему на низах рыбопромышленнику! Константин, конечно, разберётся, что к чему. Но этот-то, каков субчик! Сам умолял организовать встречу, непременно в узком кругу, а ухайдакался раньше всех! Да и поведением отличился скабрёзным. Едва не испортил настроение, хотя постарались в этот раз хозяйка и её девушки, не ударили в грязь лицом. Всё мило, пристойно, кабинетик на четверых отделили; цветочки излишне, конечно, но простительны, Константин, правда, морщился. Зато потом с уютными комнатками каждому не подкачали. Ему досталась с жёлтой бархатной обивкой стен. Знает Андреевна его вкус, и Верочка была чудна и упредительна. Само совершенство!»

Он заметил краем глаза – Стрельникову подобрали Зиночку: «Тоже ничего блондинка и по нраву Константину, хозяйке, пришлось подсуетиться, но не подвела, успела. Томные, нежные блондинки нарасхват. Капризны, чертовки, но так что ж поделаешь? Черноволосые вампирики, да ещё с тёмными волосками на ногах – бр-р! – не для него. От них коробит, словно кошки нетерпеливы и жадны. Им всё сразу. Не успеешь слова сказать, расслабиться, а им бы так и наброситься. Хотя...»

Странников поковырялся в зубах, сплюнул прилипшую к зубам куриную кожицу, отвернулся от Глазкина: «А ведь этот гадёныш мог вполне расстроить всю идиллию. Как Алексею вогнал в краску! Язык без костей. Приплёл ни с того ни с сего французского писаку, сифилитика Мопассана! И ядовито объявил, отчего тот загнулся! Всем проафишировал про болезнь. Бедная Андреевна не знала, куда глаза деть, хорошо Стрельников не промах, нашёлся, перевёл всё в шутку. Но каков прохвост Глазкин! Где и когда вычитал? В туалете начальной школы, прячась от надзирателя?.. Чёрт те что! Мопассана ли ему цитировать, когда у самого свадьба на носу! Для этого понадобился ли Стрельников с торговыми возможностями? Нэпман известен всему Поволжью, в Астрахань наезжает ради контроля. Свои магазины имеет здесь, в Саратове, в Самаре. В Москве недавно открыл, да такой, что всех баб свёл с ума. Женским бельём стал торговать чуть ли ни из самого Парижа! Этими самыми панталонами да пеньюарами. Мария, жена родная, давно утратившая интерес ко всему, и она заговорила про заморские штучки, уши прожужжала мужу – достань, мол, подивиться. И смех, и слёзы... А невеста у Глазкина не из простых. Тоже, видно, грезит о столичных нарядах ну и, понятное дело, хлопочет по раз-

носолам на праздничные столы. Поэтому ей Стрельников и понадобился, она женишка своего на это сподобила».

Слышал Странников о породистой прокурорской кобылке, приятель Гришка Задов в своё время выдвинул её в качестве исполнительницы на главную роль в весёлом водевильчике. Красива, но Странникову не понравилась – писклява и манерна, таких в театре пруд пруди. К тому же брюнетка, а Гришка будто забыл, как секретарь к ним относится. «А главное – Задов давно объездил кобылку сам, когда репетировал, – усмехнулся Странников. – А где Гришка пенку снял, там уже делать нечего».

Странникова снова качнуло, он и сам понимал теперь, что его развезло. Обычно он крепился до прихода девушек, держался. Но тут рядышком с ним Константин Стрельников устроился за столом, а у того душа жаркая, один тост, второй, да всё подливает и подливает до полной. Он моргал Иорину, но пройдоха не уследил.

«Да, дела... – опёрся Странников на перила, – перебрал лишку. А Глазкин, хлюст, значит, клюнул на артисточку... Знает, у неё отец – важная персона. В торговом отделе столоначальником значится. Кряхтят и стонут от него рыбопромышленники, гребёт с них деньжата, когда с просьбами суются. Вестимо, Стрельников на поклон к нему не ходит, но всё это до поры до времени, а коснётся – будущий зятёк подсобит...»

А в театре со временем невеста Глазкина перестала появляться. Выходит, жених запретил ей эксперименты на подмостках. Запретил... Но, как говорится, запретил одно, она другие увеселения найдёт...»

– Василий Петрович, я вас провожу, – перебил ему мысли вертящийся подле Иорин.

– А где Константин Михеич? – оглянулся Странников. – Что-то не видать его?

– Так они вон... С Павлом Тимофеевичем Глазкинским секретничают.

– С Павлушкой?

– Отделились. Вы на крылечке размечтались, они и раскланялись.

– Раскланялись?

– Расцеловались.

– Ну раз так...

– Я вас тоже окликал, задумались вы.

– Да воздух-то какой! – нашёлся он, отвернулся от Иорина, да и от прокурора со Стрельниковым. – Воздух какой! А, Игорёк? Засмотрелся я на небо звёздное, а они, значит...

– Торопился Павел Тимофеевич. Он, по всей очевидности, пригласил Константина Михеича в ещё какое-то заведение?

– Это проказник-то наш? Жених?

– Он.

– Что за бред ты несёшь!

– Я краешком уха слышал, будто звал он Константина Михеича квартирки Тамары Павловны проведать.

– Александровой? Проститутки этой?

– И про квартирку Мерзониной был разговор.

– Вот как! Притонов им захотелось!

– Дело вкуса, Василий Петрович, – изобразил улыбку Иорин. – Они ведь высокие материи взялись обсуждать.

– Материи? Это ж на какие высокие материи их понесло, голубчик? Мало им Татьяна Андреевна угождала?

– Госпожу Домонтович, извиняюсь, упоминали.

– Кого-кого? – Странников аж приостановился.

С помощью Иорина он минутой раньше сошёл с крыльца, и теперь они шествовали вдоль улицы, направляясь к портовому саду, недалеко от которого проживал секретарь губкома.

– Может, я и ослышался, но они про нездешнюю дамочку вели разговор, – не сдавался Иорин. – У них в Саратове общие корни, земляки они, оказывается.

– Вот даже как! – крикнул Странников. – Везёт стряпчему. Сам Стрельников в земляках оказался. Ценней знакомства не найти! Ну, держись теперь, Константин Михееич! То-то Павлушка рвался до него. Теперь не успокоится, пока не выпотрошит наизнанку.

– Так вам он и обязан...

– Мне? Зря ты, Игорёк. Язык у тебя, гляжу, длинный...

– Да я не в этом смысле, Василий Петрович! – изменилось лицо лизоблюда. – Я в смысле...

– А я в том самом смысле! – посуловел Странников. – Я не посмотрю, что Мария моя тебе покровительствует. Ишь, примостился! Чем берёшь старушек?

– Да какая же она старушка, Василий Петрович? Дама бальзаковского возраста!

– Поговори... бабий угодник...

– Да я, Василий Петрович, и ни мыслишки какой...

– Чего?! В три шеи погону! Забыл, кто перед тобой? Перед тобой ответственный секретарь всего губкома! Щенок!..

– Василий Петрович!..

– Язык-то прищеми, а то сам прижгу. А дамочку ту как они именовали?

– Александрой! Александрой Михайловной, кажется.

– Кажется, – передразнил Странников и усмехнулся, успокоившись. – В мире одна Александра Домонтович была. И имя её...

– Умерла?

– Стыдно, молодой человек! Не знать таких женщин!.. Замуж вышла! И зваться стала Коллонтай Александрой Михайловной. Первая и единственная в правительстве Советской России! Валькирия революции! Вот как прозвали её наши враги... Впрочем, и друзья. И она этого заслужила. Нарком призрания! Женсовет в государстве создала!

– Что-то друзья наши про неё в другом смысле упоминали, Василий Петрович, – ехидно ухмыльнулся Иорин, заботливо беря Странникова под локоток, и они не спеша проследовали дальше. – Интересовали их, я бы сказал, совсем иные её увлечения.

– Мужики, что ли?

– Как сказать... Не то, чтобы...

– Эх ты, лягушачья душа! И мнения своего боишься. А вот Александрю Михайловну это не пугает, – он задумался, напряг память, но сказывалось выпитое спиртное. – Вполне возможно. Увлекались ею великие мужи, и она увлекалась.

– Они её сравнивали с нашей Венокуровой. Тоже женсоветом руководит.

– Ну-ну! – пригрозил Странников, выдернул руку, поводит большим пальцем под носом спутника. – Опять зарываешься! Не позволю!

– А я и не заикался, Василий Петрович, – уже смелее не уступал тот. – Куда нам? Катерина Сергеевна Венокурова – сущий ангел против того, что Павел Тимофеевич насчёт Валькирии той размышлял.

– Давай, выкладывай всё как есть, – споткнулся Странников, но Иорин его удержал. – Выкладывай, выкладывай. Не бойся.

– Про эрос у них разговоры велись.

– Про эрос? Ты не перепутал ничего? – снова споткнулся Странников, ноги его заметно заплетались, да и языком он стал владеть хуже, с трудом собирая фразы. – Эрос? Это же бог любви, болван.

– Знамо дело.

– Так что же шепчешь на ухо? Никакой крамолы не нахожу.

– С Эросом они Валькирию и упоминали.

– Глупости какие-то!

– Могу поклясться!

– Глупости молодости, я хотел сказать, – приостановился Странников, неведомой силой его привалило к забору, и лёгкий Иорин не смог с ним справиться: ни оторвать, ни двигаться дальше не получалось.

– Не интересуетесь вы, молодёжь, ничем, – продолжал между тем Странников, делая мудрое выражение лица. – А надо читать и книги, и газеты. Алексея Максимовича, конечно, в первую очередь, но и эту самую Валькирию. Мысли у неё тогда были бурными, потому как сама молода и горяча. Насчёт того самого Эроса пролетарского она, естественно, опережает время. Но насчёт стакана воды – права. Слышал небось её теорию про стакан воды? – Странников упёрся в грудь Иорину. – Слышал, спрашиваю?

– Слышал, как не слышать...

– Врёшь, голубчик, ничего ты не знаешь. Я б этой женщине за одну такую фразу памятник поставил! Это как суметь! Дай-ка, дай-ка мне вспомнить... Мне, мол, в свободном обществе удовлетворить половую потребность, как стакан воды выпить! А, каково? Искренно и откровенно. Я – за стакан любви! Ясно тебе?

– Так точно!

– Ты не остри. Думаешь, я пьян?

– Что вы, Василий Петрович!..

– То-то! И поверь мне, разбирающемуся в философии человеку, её мысли найдут практическое подтверждение. Будущее за мировым пролетариатом. Любовь должна быть свободной. И отдаваться любви надо легко, словно опрокинуть в себя стакан воды. Вот что она провозгласила!

– Надо почитать, – восхитился Иорин.

– Почитай, почитай, голубчик, – кивнул Странников. – Сам Дыбенко⁹ по ней страдает! Кстати, где мы находимся? Почему топчемся на месте? А это что за забор?..

– Выходит, вот с кого наша Венокурова пример берёт! – восхищался Иорин, съедаемый откровением.

– Ты – бестолочь, чтобы разобраться, – бурчал Странников. – Читал бы больше, нежели к Алексеевой-то нырять.

– Так я туда, ежели при вас. А так ни ногой...

– Прошу прощения, господа хорошие! – оборвал их разговор внезапно появившийся мужчина в милицейской форме.

Следовало бы упомянуть, что наблюдал он за ними уже добрых десять – пятнадцать минут, пока не убедился, что состояние обоих не позволит им выбраться из злосчастного закутка в заборе, куда они непонятным образом завалились. Один физически не мог, другой не соображал, как это сделать.

Впрочем, милиционер их несколько не смутил, а Иорин, наоборот, обрадовался помощнику, поманил его ближе и рукой, и мимикой лица, на мгновение потеряв дар речи от неожиданности.

– Предъявите документы! – не был настроен на мирный лад страж порядка. – Кто такие?

– А ты кто такой? – явно не в силах поднять глаза, с трудом выговорил Странников.

– Агент губернского розыска Ковригин, – представился тот с довольно грозным видом.

– А я Странников! Слышал? – качнулся навстречу Странников. – Дерзить мне вздумал?..

Скажи своему начальнику, чтоб посадил тебя под арест.

– Что?! – выкатил тот глаза на лоб.

⁹ Дыбенко П.Е. – матрос, в 1917 г. председатель Центробалта, в Гражданскую войну – начдив, советский военачальник, командарм 2-го ранга.

– Скажи, скажи, товарищ Ковригин, – миролюбиво подёргал за рукав милиционера Иорин. – Василия Петровича надо слушаться. Это не просто человек, это сам ответственный секретарь губкома! Только сначала помоги мне довести его куда-нибудь присесть. Тут портовый сад недалеко был. Посидим с ним на ветерочке. Обдует с Волги, и всё будет нормальненько. А то Мария Яковлевна, супруга его, разволнуется. Ну, давай, помогай!

И они вдвоём, подхватив под руки третьего, предприняли попытку достичь предполагаемой цели. Милиционер, видимо, растерялся от бесцеремонной наглости обоих да и стерёгся возможной важности персон, поэтому старался добросовестно. Попытка им удалась, до портового сада действительно оказалось рукой подать.

– И меня не знаешь? – спросил милиционера Иорин, когда они закурили, оказавшись на скамейке; Странников уже похрапывал в серёдке.

– Наш? – сомневаясь, всмотрелся агент, сообразив, что лучше поменьше задавать вопросов.

– Нет. Гражданский я, – хмыкнул Иорин, пустил струю дыма в лицо любопытствующему. – Но из учреждения. – И, неопределённо откинув голову назад, поправил съехавший галстук.

– Справитесь теперь сами?

– Здесь близко.

– Тогда я пошёл? – начал прощаться агент.

– Давай, – Иорин занялся стряхиванием пепла, угодившего на пиджак Странникова. – Грязь – не грязь?.. Не вижу. Резко весна взялась. Развезло...

– Зима холодной была, – махнул рукой агент. – Может, всё же помочь?

– Ты смотри про его распоряжение не забудь, – напомнил вслед Иорин. – Доложи начальнику про арест. А то наш строг.

– Так точно!

– Ну пока.

И они расстались.

Красивое место – портовый сад. Жаль, почти нет электрического освещения. Висели поначалу кое-где на столбах фонари, но побило камнями хулиганье. Обновили лампочки – снова та же картина. Больше не пытались – темнота друг молодежи. Теперь редко какой прохожий забредал сюда в позднее время погулять, да ещё с девушкой. От Волги сбегает главная кудрявая аллея, но это летом кудрявая и зелёная, а сейчас кустарник только-только оживал. Середина сада – точь-в-точь молодая рожица. Почти у калитки начинается озерцо, заботливо огороженное когда-то красивым заборчиком. Но теперь забор уродлив, местами повыдернут и поломан. Тут же уснувшая речушка с переброшенным через неё мостом, заброшенным и заросшим паутиной. Сейчас сад пуст и тих, настоящее хранилище чужих тайн. Иорин поёжился, но не от страха, от прохлады. Его здесь знала каждая дворняга. Если только кто заезжий. Но откуда быть чужому в их маленьком городке? Появись – уже на виду.

Он докурил вторую папироску, зашвырнул ловким щелчком окурочек. Тот, описав красивую искристую дугу, опустился где-то в темноте. Подремал рядом с безмятежно похрапывающим соседом, выкурил ещё парочку и тем же манером избавился от окурочков. «Пожалуй, пора будить да трогаться, – подумал он, взглянув на часы, – ещё мал-мал – и Мария Яковлевна начнёт волноваться». Опыт никогда не подводил его в таких случаях.

– А кто же этот кавалерчик, занял наше любимое местечко? – раздался вдруг у него за спиной нагловатый пьяный голос.

– Разинь зенки, братан! – забасил второй. – Их здесь двое.

– Баба?

– Если бы. Кажись, боровок.

Иорин оглянулся. Под развесистым деревом маячили три чёрные тени.

- Косой? – присматриваясь к очертаниям того, кто поменьше, спросил он.
- На тебя намекает, Паук? – пожаловался один другому.
- Оскорбляет, кореш, – добавил другой.

У коротышки действительно отсутствовал один глаз, его закрывала повязка. Только теперь, присмотревшись при выскочившей словно специально из ветвей луне, Иорин понял, что ошибся. Знакомых среди троих не было.

– Граждане-товарищи, – переходя на их язык, поднялся он со скамейки. – Шли бы вы своей дорожкой, мы, местные, люди гостеприимные, если в чём нужда, выручим.

– Он нас страшит, Паучок, – опять встрял неугомонный, и в руке его блеснуло лезвие финки.

– Не лезь, Жёлудь! – оборвал коротышка верзилу, похоже, несмотря на рост и тщедушный вид, он был в этой троице за старшего.

– А чё кипиш подымает? – подал голос молчаливый с дрыном в руке. – Дай-ка я пощупаю боровка, что на лавочке дремлет. И разойдёмся чин-чинарём.

Он змейкой нырнул к Странникову, но Иорин изловчился и ударом ноги отбросил его на землю:

– Не смей, мразь!

– Он дерётся, Паучок, – придурковато запищал упавший и задрыгал ногами, не подымаясь.

Иорин скривил губы, было не до шуток: у коротышки тоже что-то блеснуло в руке, Иорин напрягся, но охнул, не уследив, покачнувшись от острой боли в плече: достала всё же его финка верзилы. Уже падая, он услышал сквозь звон в ушах сухие шелчки револьверных выстрелов и крики: «Стоять! Руки в гору! Башки продырявлю к чертям собачьим, если с места тронетесь!»

II

Не нравился ему этот город, хоть умри! Когда втемяшилось в душу пронзительное чувство неприязни, он и вспомнить теперь не мог. Последние дни работы в Саратовском комитете чудный звон обещаний близкого назначения в столицу заласкал слух, но перебежал дорогу Герка Протасов из идеологического отдела, тоже ходивший в выдвиженцах на повышение, а ему угодило в этот город: убрали прежнего секретаря губкома Муравьёва, сумевшего за два года наломать дров, срочно требовалось выправлять положение.

«Участок ответственный, – твердили наставления, – губерния сложная, многонациональная, но ты справишься и потом... лучше начинать с самостоятельной работы, нежели хотя бы и в столице, а по отделам ошиваться... К тому же места исторические, вольница Разина, Каспий под носом! Где ещё увидишь?»

Приехал поздней осенью и поразился – грязь несусветная и холодрыга да с таким ветром, что на вокзале чуть уши не оторвало, вдобавок унесло шляпу, за которой пришлось бегать на общую потеху... Так вся осень и прошла, зато летом жара до пятидесяти градусов. Воздух такой, рот открывать не хочется, только верблюды и выдерживают.

Но главное – народ злой. Вот уж действительно многонациональная губерния, не пересчитать, и каждый своё. А все прут в губком.

Подымись хоть в шесть, кипятился Странников, вышагивая по пустующей улице, и припрись в губком в самую рань, галдящая толпа уже осаждает двери. Жаждут его перехватить. Прячься – не поможет. Раньше были ещё горлопанистей, теперь пожиже и мельче. Но всё равно тошно их видеть. Особенно сегодня.

Он невольно приостановился. Поганый день у него сегодня. Много накопилось с прошлого, а главное – надо разобраться со вчерашним вечером. Странно всё закончилось, подозрительно непредсказуемо. А может, непредсказуемо только для него одного?..

Странников полез за папиросами и долго не мог отыскать пачку трясущимися руками – вчерашнее давало знать, а похмелиться не решился, да и Мария гвалт подняла. Из дома он почти убежал, только б не слышать её нравоучений.

Отыскать курево не удалось, видно, второпях оставил на столе, когда завтракали. И спросить не у кого, пусто на улице. Хоть умри, так желанна затяжка! Совсем отчаявшись, он вдруг наткнулся во внутреннем кармане на портсигар. Чёрт! Забыл, ведь Мария подарила на днях эту дорогую штуковину, не успел привыкнуть, вот и вытряхивал карманы пиджака в бесполезных поисках. Закурил, задохнулся вгорячах, но прокашлялся, и после второй затяжки голова закружилась, затуманилась. Полегчало.

Глянул вперёд – ждут неугомонные черти у подъезда! За три квартала толпа видна. И ведь так стало только с его приездом! Поначалу Странников восхищался, вдохновляла его эта картина. Считал, это и есть та самая всё сметающая, неукротимая энергия масс. Её бы в нужное русло. Ей правильное направление дать. Цель высокую обозначить. Порыв! Размах! Сама удача летит в руки. Дерзай, ответственный секретарь губкома!

И он подпрыгивал тогда от нетерпения, взлетал, а не входил на ступеньки. Душа рвалась и вширь, и ввысь: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови, Господи, благослови!» Он прирождённый оратор и трибун. Это знали наверху. Его ценили: такой способен повести за собой хоть на край света.

К этим чувствам присоединялось ещё одно, сугубо личное, даже тщеславное, однако так ли оно и личное? Он его не стеснялся и причислял к собственным успехам: переборол, переплюнул своего предшественника, того толпами не встречали. Теперь повержен бывший секретарь губкома Муравьёв, пакостит исподтишка, при случае палки вставляет, остерегаясь. И те, кто тёрся с ним бок о бок, носы повесили, ему, Странникову, победные марши трубят, задницу

лижут, лишь в их сторону взор соизволит бросить. Боятся вылететь из губкома к чёртовой матери! А он умнее оказался, не дождался от него чапаевского разгрома, по-иному поступил, лишь раскусил ситуацию.

Двух месяцев... Какой там! Двух недель хватило, чтобы заметил он, как изменилась атмосфера в толпе у губкома. Его речи стали слушать. Про своё, конечно, пытались орать – на хрена нужна была им мировая буржуазия, вселенские обещания. Им дай хлеба и жильё, свет и воду, грязь с улиц убери, ворьё и проституток. Иным был их зуд, далёк от всемирных масштабов. А ведь рядышком маячил губисполком, где кудесничал его соратник и одновременно соперник, хитромудрый Мина Львович Арестов. Вроде и ближе, родней этой толпе, а сторонились казачка, понимали: у Странникова власть, он способен разрешить их беды и закавыки. Не особо они велики... рычага сиракузского мудреца не требовавшие, но месяцами и годами копившиеся, не разрешаемые прежней властью. Он эту грязь вмиг выпер.

Странников замедлил шаг, прикуривая вторую папироску, расходилась душа от воспоминаний. Да и не так уж давно это было, чтобы забыть.

Повытряхивал он своих работничков из кабинетов и кресел на улицы, для начала заставил дежурить у крыльца и разбираться вместо него с жалобщиками, заодно и внимать то, о чём шумят, кумекают. Вон их тени мелькают на самом крыльце. Приметные, в первых рядах те самые. Приказал он им не только доходить до сути, но и свои проколы, собственное дерьмо убирать. А всего страшней – его встречать поутру вместе с крикунами и выслушивать в глаза правду-матку. Нерадивцев не щадил, выставлял напоказ народу, учил с кого шкуру драть.

Поступал так не по злобе. Опасался, чтобы не пришлось самому плевать, как пришлось Муравьёву.

Ехидная усмешка пробежала по тонким его губам: чего-чего, а после тех мер шум покатился, непрошибаемые и те перестали кичиться, поняли: глаз Странникова зорок, скор на выводы и жесток он на расправу, хотя с виду мягкотел и интеллигентен. Пусть теперь шушукуются меж собой по углам, что пустобрёх он, сластолюбец, гарем развёл среди артисточек, с евреями в институте богему завёл, балясы точит, бегами увлётся. Пусть посудачат за его спиной недоумки о его легкомысленных пороках. Сильным там, наверху, куда и он, дай бог, доберётся, тоже присущи некоторые слабости, которых они не стесняются. Переделать древнюю мудрость, так она звонче зазвучит – Цезарь вне подозрений! А его шалости по сравнению с проделками тех, наверху, – сущая потеха...

Докуривая и успокаиваясь, он остановился на перекрёстке в надежде отыскать урну, не подымалась рука швырнуть чинарик на мостовую. Не единожды гонял он хозяйственника, но толстолобому, словно о стену горох его поучения. Одно твердит – это задача исполкомовских, знает, пройдоха, о его антипатиях к Арестову, пользуется ситуацией. Низка культурка людей, а город тонет в грязи. Поморщился, покрутив головой впустую, так и раздавил окурок каблуком. И пока зло глядел под ноги, опять ударила мысль о вчерашнем...

Как закончился вечер в доме свиданий у Алексеевой, он помнил с трудом. Свёл его на крылечко Игорёк Иорин, а далее в сознании пусто. Отрубило. Кое-что услышал от Марии. Утром жена с трудом растолкала его к положенному часу, а за чаем охала и ахала, причитая, что принёс его на себе незнакомый милиционер. Разместил на диване в прихожке и умчался, повинившись, спешил куда-то. Дуре остановить бы служивого, расспросить. Не барана приволок! Должен знать многое тот человек, да не дал бог разум бабе.

Всё бы ничего, не сказать, чтобы Странников особо опасался, но служивый – лицо подчинённое. Побежит к начальнику милиции, часу не пройдёт, узнает Опущенников, а он – известная рыбка, человек Мины Львовича, ему непременно и сольёт. Копит на него компромат Мина, в глаза никогда не скажет и в столицу пока не стучит, но кто поручится, что будет завтра? Ножа жди в спину.

Вот по этой причине, пренебрегая головной болью, ранним часом Странников торопился в губком. Звонить домой Опущенникову не имело смысла, до рабочего времени тот булгачить Арестова не станет по пустякам, а раньше девяти-десяти сам Мина в губисполком не заявляется. Не по душе ему хозяйственную телегу тянуть. Его размах привлекает. Тоже мечтает о столице.

Толпу секретарь миновал успешно, подоспевший завог Мейц отвлек бросившуюся, как к отцу родному, старуху с полоумными глазами, кстати, рядышком оказался инструктор губкома Умнов, бочком отгеснил горланящего работягу, тянувшегося с бумажкой. Бумажку он взял, извинившись, что торопится, а там уже и дверь перед носом дежурный распахнул ему одному, не подошло ещё время остальным, а Мейц уже разъяснял народу про предстоящую конференцию, доклады. Мейц раньше других ущутил тактику своего нового начальника.

Потом уже у себя в кабинете, среди знакомого вороха бумаг на столе, не заладилось – долго не мог дозвониться до милиции, там разглаживали зады на совещании.

III

Вкушая заумные нотации, поматывал, словно лошадь от слепней поникшей головой Турин. Изредка, при особо обидных фразах, вздрагивал, поедая злыми глазами сидевшего напротив человека. Не останавливаясь, без выражения, тот растопырил костлявые локти, налёг впалой грудью на кисти рук и твердил, твердил, твердил почти одно и то же. И не было видно ни конца, ни края этой нервотрёпке. Исподлобья оглядывая рядком восседавших милиционеров разного ранга и должностей, он покашливал, прочищая горло, избегал задерживаться взглядом на ком-то отдельно. А те, словно по команде, шумными выдохами размеренно пускали дым папирос под стол, себе в ноги, кряхтели и ёрзали на скрипящих хилых табуретках.

«Ну зачем ты меня при них? – метались, сгорали в мозгу Турина молнии гнева. – Ну что при слюняках этих костеришь! С кем равняешь?!»

Когда-то прежний начальник, крикун и трибун Хумарьянц любил устраивать подобные разносы. Комиссар-армянин гонял лоботрясов принародно в наказание нерадивым. Но в любых случаях, в совсем сволочных провалах при подчинённых начальство не трогал, при низших на высших по званию не замахивался. А ведь чего-чего, а поорать умел! И гвоздил революционными политическими лозунгами, к которым ближе лежала его душа не профессинала, но бывшего подпольщика-марксиста. Однако канцелярской терминологии был далёк, не то, что эта бумажная размазня, даже обматерить смелости не наберётся!..

Вторую или третью папироску прикуривал у соседа Турин. Не добирался до конца, мял в сердцах, обжигая пальцы. Давил в осколке артиллерийского снаряда, пепельницей служившей курильщикам. На столе начальника милиции эта безделушка стала реликвией после зловещих событий позднего лета восемнадцатого года.

Смотрел на осколок Турин, вертел в руках, вспоминал то грозное время.

Угодил этот осколок сюда, ворвавшись смертоносным снарядом в августовский денёк, когда весь город стоял на ушах. Изъятие хлеба у голодающего населения и принудительная мобилизация в Красную армию подтолкнули недовольных к открытому вооружённому бунту. Но разорвавшийся снаряд никому вреда не причинил. Основательно разметав милицейскую контору, грохнул оглушительно, никого не тронув: всё начальство городской милиции с самим Иваном Бугаевым, петушком носившим фуражку на правом ухе, арестовано было до этого собственными же милиционерами. Под стражу взяли и комиссара-трибуна Хумарьянца, сдался и председатель губисполкома Лепатов, не захотел умирать за новую власть и бравый военком Соскин, задрал дрожащие руки. Вся верхушка оказалась тогда в подвалах бывшего подполковника Маркевича, возглавившего бунт.

Суток хватило на переворот. Заговорщики действовали умно, как Ильич учил: захватили почту, телеграф, выпустили урок из тюрьмы.

И дрогнули тогда многие уцелевшие, а вот эта бумажная душа Опущенников, который сейчас направо и налево его долбит, – Турин поднял глаза на человека, осипшего от непрестанной говорильни, – не дрогнул и возвернул едва не ускользнувшую советскую власть.

Начал с деревни своей, с Никольского, и не позволил размахнуться взбунтовавшимся. Жестоко пресёк попытки в своём уезде, наладил связь с таким же смельчаком в Сасыколях, нашёл непокорных в городе.

Тех же суток ему хватило, чтобы свернуть шею врагу.

Не обошлось без счастливого случая – подоспели военные моряки.

Удача ласкает смельчаков, победа осыпает лаврами: Опущенников был усажен самим Свердловым в кресло начальника губернской милиции, канул в немилость трибун-армянин Хумарьянц. После такого блестящего начала, казалось бы, герою-победителю все дороги наверх распахнуты, но... Турин, покривившись лицом, хмыкнул, подпёр голову кулаком, –

изменился Опущенников в другую сторону, не сумев удержать жар-птицу, завяз в местных дрязгах, а нагрянули нынешние времена, завертели, облепили его воротилы новой экономической политики, совсем растерялся начальник... Как говорится, ни рыба ни мясо...

Турин впился взглядом в Опущенникова, вон он водит носом по листку, что разгладил перед собой, чешет, не переставая. Чему учит его и других? Шпарит по бумажке, сочинённой ещё комиссаром-демократом, бестолковым крикуном, ни черта не разбиравшимся в том, как бороться с урками, как гноить нечисть. А ведь Ленин провозгласил лозунг – очистить государство от преступного элемента.

Ну а этот губошлёп!.. Что он им талдычит? Слушать тошно: «Никто не может быть задержан более чем на 24 часа... Стрельба на улицах возможна лишь в исключительных случаях... милиционер должен стараться не причинить вреда гражданам!..» Каким гражданам? Ворам, грабителям и мокрушникам?

– Василий Евлампиевич! – услышал Турин словно сквозь пелену голос Опущенникова, – Василий Евлампиевич!

– Заснул? – ткнул его в бок сосед.

Турин лениво поднялся, словно действительно дремал.

– А ваш агент... этот... как его?..

– Ковригин.

– Да-да. А ваш агент Ковригин знал инструкцию? Ведь он угрохал трёх человек!

– Так точно, товарищ начальник! Знал. Поэтому и стрелял.

– Сомневаюсь.

– Оборонялся он. Нападавших трое было. – Турин оглядел присутствующих, словно убеждая их, а не бюрократа, председательствующего за столом.

Присутствующие засмолили папиросы злее, дыму в кабинете прибавилось. Даже скучавшие ранее и действительно дремавшие были сейчас на стороне провинившегося и, не скрывая, поддерживали Турина. Он подметил это и повеселел.

– Оружия при убитых не оказалось, – сомневался начальник.

– А кто его искал? Моих ребят туда не допускают! – буркнул Турин.

– Мне доложили...

– Бандиты выбросить стволы могли. Обычно так и поступают, если прищучить.

– Финка была у одного да ножи у остальных.

– А смит-вессон, что нашли у моста?

– Он от трупов далеко оказался.

– Выходит, ствол Ковригин им подбросил?

– Не знаю, подбросил, обронил кто... Я вынужден издать приказ о служебной проверке происшедшего. После и решу по закону или нет применено оружие вашим сотрудником. Надо ли было лишать жизни трёх граждан.

– Трёх бандитов, – пробурчал Турин. – Их личности уже установлены. Это гастролёры из Ростова. Все судимы ранее. И не один раз.

– Ковригина от должности отстранить, – будто не слыша, продолжал начальник. – Найдите ему занятие другого рода. И пусть сдаст табельное оружие.

– У меня другой работы нет. Метлу дам. Пусть улицы метёт.

По залу пробежали и ропот, и смешки.

– В портовый садик отправьте. С метлой-то ему сподручнее.

– Уркоганов метлой не погнать, – дерзил, не сдерживаясь, Турин. – А там их целое лежище.

– Вы же и распустили.

– Моё дело раскрывать да ловить.

– Вот что! – прихлопнул рукой по столу начальник и приподнялся. Такое случалось не часто. – Василий Евлампиевич, ваши заслуги известны, однако никому не позволено!..

– Товарищ начальник! – в открывшуюся дверь кабинета заглянул взволнованный дежурный.

– Что у вас? – развернулся к нему Опущенников.

– Там звонят.

– Я же просил во время совещания меня не беспокоить!

– Там из губкома!

– Скажите, я перезвоню сам, как только закончу совещание.

– Там из приёмной секретаря губкома...

– Кто?!

– Наверное, Странников... – не совсем уверенно подсказал Турин.

– Василий Петрович? А он с какой стати? – начальник метнул взгляд в Турина.

– Меня, наверное, не нашёл, вот вам и звонит, – лениво поморщился начальник розыска.

– Вас? Его интересует убийство трёх бандитов?

– Не думаю. А впрочем, чем чёрт не шутит.

– С каких пор уголовники стали интересоваться секретаря губкома? Вы что-то не договариваете, Василий Евлампиевич? В парке бандитом был ранен гражданин, которого Ковригин в больницу водил... Он не имеет отношение к губкому?

– После перевязки чуть дёру не дал, – хмыкнул Турин. – Просил, чтобы фамилия его нигде не фигурировала.

– Вот-вот! – насторожился начальник. – Он как раз и может быть из губкома. Как его фамилия?

– Иорин его фамилия.

– Имелся у них такой человек...

– Этот Иорин, извините, предпочитал дамочек лёгкого поведения, а не партийные кабинеты.

– А что ж тогда Василий Петрович? – поджал губы начальник в недоумении. – Почему звонит?

– Думаю, из-за Ковригина.

– Ничего не понимаю.

– Вчера вечером, до происшествия, мой Ковригин остановил Странникова и задумал проверить его документы.

– Зачем?

– Ну... – пожал плечами Турин. – Померещилось что-то ему. Ковригин первый день как из деревни выбрался, форму новую приехал получать. Перестарался... наломал дров.

– Вон оно как!

– Секретарь сказал, чтобы я под арест его посадил.

– Вот видите!

Турин пожал плечами, теперь голова его повисла без гордыни.

– Надеюсь, арестовали шаромыжника?

– Сидит.

– А чего со мной тягомотину разводите?

Турин отвернулся к двери, которая снова открылась, на пороге возник всё тот же дежурный, только теперь уже с лицом краснее помидора и весь взлохмаченный, словно его оттаскали за уши.

– Товарищ начальник! – выпалил он. – Ответственный секретарь губкома требует вас к себе!

– Дождались... – Опущенников махнул милиционерам расходиться и поспешил к двери.

– Ефим Петрович, – заикнулся Турин. – Может, мне с вами?
– Вам? – приостановился тот, оглядел с ног до головы Турина. – С какой стати?

Турин приблизился и шепнул:

– В парке Странников был, только спал он...

– Так что же ты мне сразу не объяснил?! – побелел от гнева начальник.

– Ну буду же я при всех рассказывать, – не смутился тот. – Ну что? Идти с вами?

– Пойдём. Сам отвечать будешь. А потом с тобой отдельно поговорю!

До губкома добрались скоро. Опущенников утихомирил волнение и в кабинет Странникова вошёл один, оставив Турина дожидаться в приёмной.

– Как обстановка? – вместо приветствия пронзил его строгим взглядом ответственный секретарь.

– Обычная, – не моргнув начальник милиции и выпалил: – С десяток кражонок, грабёж нераскрытый... но мы работаем, триста литров самогона хлопцы припёрли с Трусова, ну и мелочь – проститутки, малолетки бомбили вагоны на вокзале... В общем, как всегда.

Странников не проронил ни слова, выжидал.

– Спасибо ещё раз за подаренную машину, товарищ секретарь. В угро не нарадуются. Теперь с преступным элементом скорее пойдёт, – затоптался Опущенников, не находя продолжения.

– Ты вот что, – перебил Странников, – благодарить губком не надо. Губком улавливает главные болячки, язвы буржуазного прошлого. Я больнице в машине отказал, потому что изучаю ситуацию. На нынешнем этапе, когда ошалевший от открывшихся возможностей нэпман прёт к спекуляции, забрасывает нерадивых аппаратчиков взятками, кому как ни нашим красным пинкертонам нужна скорость, а?

– Так точно, товарищ!..

– Ты мне ответь про другое, – опять перебил Странников. – Когда в угро научатся заботиться о...

– Недоразуменьице случилось! – опередил Опущенников. – Из деревни агент тот. Прибыл получать форму, задержался и вот... Вам попался.

– Где он?

– Сидит, – Опущенников прищёлкнул каблуками. – Турин взял под арест провинившегося. Тот сам и доложил, как вами велено было.

– Значит, сидит?.. А что доложил? – изучал подозрительным взглядом Странников бледное лицо начальника, постепенно успокаиваясь.

– Учим, учим их, – бурчал между тем тот, отворачивая голову. – Мало толку. Видел ведь, что человек солидный перед ним, что оказия вышла, ну прояви смекалку – проводи до дома... Нет у молодых понятия.

– Ну, это лишнее... до дома пьяных водить.

– Ничего, посидит, поймёт. Всё им подозрительные элементы мерещатся.

– Новичок, говоришь?

– Года не работает... Да у вас в приёмной сам Турин дожидается, – Опущенников оживился, раскусив, что вызов ему ничем не грозит. – Если надобность имеется, он подробненько всё объяснит...

Странников отмахнулся:

– Какая надобность...

– Извиниться за своих олухов хотел, – выпалил уже совсем радостно Опущенников. – Пригласить, Василий Петрович?

– Ну давайте, – лениво потянулся секретарь. – Пусть зайдёт. Только предупредите, чтоб недолго. У меня конференция на носу...

– Тогда я прощаюсь, – Опущенников вытер вспотевший лоб.

– Занимайтесь, занимайтесь. Преступность распоясалась, а вы с пустяками возитесь. Я вот в докладе задам вам перцу!

– Примем все меры! – смиренно развернулся тот и заспешил к двери.

IV

Их встречу и дальнейшее сближение не назвать случайностью. Не только сама судьба вела их друг к другу. И не только дело, которым каждый занимался. В натуре обоих, в самой глубине сидел, что называется, бес, противившийся порой ступать обыденно, идти правильной, проторенной дорожкой, делать как все, приказано – исполнять. Азарт противоречия, противоборства, делать по-своему, жить не как остальные, довлел над их разумом и, как ни старались они это скрывать, выскакивал тот бесёнок наружу и ставил в тупик и их, и окружающих. Сами того не ведая, они, тщеславные, желающие достичь невиданных высот в карьере, во всём, за что брались всерьёз, были отчаянными авантюристами, им ближе был поиск, нежели достижение цели, драка, а не победа, любовная тайная страсть, но не семья, хотя обстоятельства порой были выше их.

Познакомились они так. Турин в очередной раз отличился. Вместе с подчинёнными был представлен к награде. И было за что: в Царицыне из тюрьмы бежало пятеро опасных бандитов, главари Крот и Носик вооружились револьверами, отобрав у охраны. До Астрахани бандиты добрались без особых приключений. Не щадя стреляли и детей, и хозяев, приютивших на ночлег, а в городе, используя наводку, учинили налёт на банк, но угодили в ловушку, устроенную Туриним. Как ни отстреливались, а взял он их живыми и с деньгами. Можно было на месте к стенке – и все дела, но начальник губрозыска проливать кровь запретил, бурчал, – расстреляют, после суда.

Тем и закончился лихой побег Крота. Весть о его кончине мигом облетела преступный мир. Не замедлили, передали оттуда: нажил Турин кровников! А тот посмеивался: «Грозился волк медведю».

Вручать награды начальство приурочило к юбилею губрозыска. Прибыл для этого сам Странников, прихватив с собой председателя губисполкома. Так они и встретились. После пламенных речей гостей пригласили за скромный стол и секретарь губкома сам усадил Турина рядом с собой по правую руку.

Потом Задову, приятелю из театра, с восхищением рассказывал, с каким необыкновенным человеком виделся.

– Мартин Иден! – слушал и посмеивался артист, развалившись в кабинете на диване. – Морской волк! Только сухопутный. Глаза – серая сталь! Грудь боксёра! Бицепсы циркового борца и загадочен, как сам Шерлок Холмс!

– Ты его не видел! – горячился Странников. – Вот познакомлю!.. Руки только береги.

– Кусается?

– Когда поздравлял, он так сжал, я едва не вскрикнул. И идеями своими поделился. У него свой кумир, французский сыщик в мозгу застрял, новый метод изобрёл бороться с преступниками их же силой. Вербовал на свою сторону, зачислял в агенты и с их помощью шайки и банды отлавливал. Париж очистил от преступного мира! Не слышал про такие чудеса?

– Я ворьём не интересуюсь, – брезгливо морщился Задов. – У меня музы.

– А мы договорились встретиться по этому поводу. Я ещё послушаю его предложения. Идея того стоит.

– Смотри, заведёт он тебя в подвалы нашего города. Что с урками станешь делать? Растерял ты спортивную форму со своими докладами да совещаниями, – хохотал артист. – Кстати, скоро бега. Не забыл? Я подыскал тебе каурую.

– А сам, значит, опять на Мираже? Снова обскакать собираешься?

Поговорили и забыли... Следующий раз секретарь поздравлял Турина на полугодовом совещании: показатели губрозыска украсили работу всего управления.

Потом Странникова пригласили в милицию на торжество по случаю вручения первой машины. Автомобиль был американский, кажется, «форд», повидавший многое, прежде чем привезли его по железной дороге из столицы. Опущенников советовался, кому передать, секретарь, не задумываясь, крикнул в трубку аппарата:

– Конечно, Турину! Губрозыск на высоте, недавно отмечали. Я сам приду поздравлять. Это же событие!

Вот тогда он и познакомил заслуженного артиста Григория Задова с лучшим сыщиком Поволжья. Он представил их друг другу полушутя-полусерьёзно и имел на это полное право. В том, что Задову в своё время присвоили звание, его хлопоты были определяющими, а в том, чтобы Турин стал вхож в их тесную компанию, имелась у Странникова своя нужда. Когда однажды зашла речь об интригах Арестова, Задов с присущей ему наглой непосредственностью, не моргнув глазом, подметил:

– У тебя готовый человек в руках, а ты мучаешься, как свернуть шею этому зарвавшемуся казачку Арестову.

– Кого ты имеешь в виду? – удивился Странников.

– Сталь в глазах, пронизателен, как Шерлок Холмс, и кроток на язык.

– Турин?

– Вот тебе готовый начальник милиции. Опущенников вял и инертен, всеми потрохами подчинён Мине Львовичу. Отправь его куда-нибудь на повышение. В Калугу, Кострому, Казань... Подальше. Своё он заслужил, подавил бунт. Надеюсь, больше его услуги не понадобятся.

– А что, это мысль! – оживился Странников. – Надо отдать должное, в таких делах ты незаменим. Чем отблагодарить? Ещё раз проиграть тебе на бегах?

– Меня не обогнать! – заржал Задов. – Мой Мираж – птица!

И поднял большой палец вверх.

– Тогда, может быть, подарить тебе мою Венокурову?

– Слишком идейна, – скривил губы артист. – И тяжела на подъём, чтобы завести, надо спить ей бутылки три шампанского. Но вместо постели она взапрётся на стол танцевать. Помнишь, что вытворяла в прошлый раз?

Они расхохотались. Вспомнить было чего.

– У неё сестрёнка есть, – заговорщицки сощурил глаза Странников. – Венокурова никак не подыщет ей уютное местечко.

– Для работы? Смешно. Кем?

– Ну... Сам понимаешь. Девица на выданье, а свет её не знает.

– Давай её ко мне в театр.

– Погоди с театром, – посерьёзnel Странников. – Мы вот решили с тобой за Турина. Ему девица нужна необыкновенная. И чтоб не была замечена в легкомыслии. Понимаешь?

– Он что же, не мужик? Сам не найдет?

– Не мерь каждого на свой аршин.

– Остроумно, – обиделся Задов. – Женат твой Турин?

– Не знаю.

– Вот давай с этого и начнём. Я устрою в театре небольшой сабантуйчик по случаю какой-нибудь премьеры. И пригласим всех. Турина и обеих сестёр в том числе.

– Я бы не хотел видеть старшую, – возразил Странников. – Испортились отношения. Надоедлива. И распустилась.

– Но младшую без старшей не заманить. Ты же сам только что лекцию мне прочитал.

– Хорошо, хорошо, – замахал руками тот. – Решай сам. Только не увлекайся. Чем меньше публики в таких случаях, тем лучше.

Так было достигнуто соглашение, но его сорвал Турин. Пообещав, он не явился. Накануне ночью на одной из рыбацких тоней было убито пять человек, среди которых оказались женщина и девочка. Турин без предупреждений умчался туда.

С тех пор они не виделись. А сейчас Турин сидел у Странникова в приёмной и дожидался вызова.

V

Странников сам распахнул дверь, сам вышел в приёмную, раскрыл объятия:

– Что же ты здесь штаны протираешь?

Турин вскочил со стула, взял под козырёк, браво щёлкнул каблуками; тонкий, поджарый, он вытянулся стрункой. «Красавец, чертяка!» – впервые подметил и позавидовал секретарь, обнял как родного:

– Сколько не виделись? Проходи.

Он подтолкнул замешкавшегося Турина вперёд в кабинет, бросил секретарше:

– Чаю! И ко мне никого!

А Турина как долгожданного гостя довёл до кожаного дивана, на котором позволял сжимать не каждому, развернул лицом к себе, ещё раз заглянул в глаза, положив руки на плечи, и чуть не силком усадил:

– Отдыхай, сыщик. Набегался? Что в Икряном-то случилось?

Турин расслабился, бухнулся без всякой опаски на диван и утонул, провалившись чуть ли не по уши.

– Моего предшественника наследство, – съехидствовал секретарь. – Специально мебель не трогаю с места до очередного съезда. Диван только из другой комнаты перетащить велел. Кабинет великоват, а диван две задачи решает. Москвичи были, чертыхались, когда на нём прыгали, а мне чего? Пусть стоит. История. Я его держу под особ исключительных. Вот вроде тебя...

– А я чем отличился? – Турин, потеряв надежду выбраться, смирился, сорвал фуражку, непокорный чуб упал на глаза.

– Начальников губрозыска у меня ещё не бывало... Так что там в Икряном?

– Бандиты матёрые, – Турин потряхивал головой, забрасывая волосы назад с глаз, они не слушались, – пятерых уложили.

– А ты нам такой вечер испортил, – мягко и почти миролюбиво перебил его секретарь. – Гриша сварганил чудную премьерку. Лучших актрис труппы выставил...

Он потёр ладони, окинув кабинет взглядом, будто отыскивая ещё какую редкость, которой явно не хватало:

– Бандиты, говоришь?

– За кассиром следом шли. Он зарплату в рыбацкую артель вёз. Большие деньги.

– Как же прозевали?

– Был наган у него.

– Что наган?.. Сколько нападавших?

– Двое.

– Вот она, наша беспечность! А вы куда глядели? Учить надо банковских работников.

– Мы?.. – невольно вырвалось у Турина.

– Я чаю просил! – зло крикнул в дверь Странников.

– Банк нас не предупредил. Тут ещё разбираться надо, – выдал из себя Турин, чувствуя, как влажнеет лоб.

– Сколько, говоришь, денег?

– Две тысячи.

– Ого-го! Знаешь, сколько я получаю? – Странников поймал на себе удивлённые глаза Турина, махнул рукой. – Сколько корова стоит?

– Корова?

– Удивил? Впрочем, откуда тебе знать.

– Максимум – тридцать рублей.

– Вот! Две тысячи – это же несколько отличных стад! Подкосили бы крестьянское хозяйство целого района.

Внесли чай. Секретарше помогала матрона посерьёзнее и помрачней.

– Ариадна Яковлевна! – укоризненно покачал головой Странников. – Не часто у меня гости, надо бы повеселей, повеселей.

– Одну минутку, Василий Петрович, одну минутку, – извинялась та, суетясь, неприязненно косилась на милиционера.

Турин смутился, хотел снова встать, но опять его попытка не увенчалась успехом.

– Так что же там у вас? – не замечая его неловкости, Странников положил руку ему на плечо и совсем прижал к дивану, пресекая дальнейшие попытки.

– Убили кассира.

– А мне Опушенников докладывал... вроде и про женщин?

– Затемно добрался кассир до тони, рыбаки на радостях, что деньги привёз, выпивку на стол. Он и заночевал, утром на трезвую голову думал раздать деньги.

– Вот разгильдяй!

– Всех спящих в той хибаре, где кассир остановился, и порешили, – кивнул Турин, – видно, кто-то проснулся. Может, шум пытались поднять. Всех мужиков с кассиром и повариху с дочкой. Пятерых.

– Звереет враг. Не знаешь, откуда ждать. И нет им помех.

– Да что вы! Поймали уже. Может, другой есть повод сердчать на нас, Василий Петрович?

– Ничего, ничего. Это я так. В сердцах. – Странников дождался, пока они останутся одни, широким жестом указал на накрытый столик, который матрона придвинула к дивану напротив Турина, чем совсем лишила его возможности двигаться. Потом приставил себе стул, пододвинул чашку с чаем, но пить не стал; щёлкнув портсигаром, он достал папиросу и, закинув ногу на ногу, закурил, подмигнув Турину как ни в чём не бывало:

– А Задов обиделся на тебя. Нельзя, говорит, связываться с сыщиком-то.

– Простите, Василий Петрович.

– И Олечка ждала. Наобещал ей Гриша золотые горы. Такое про тебя рассказывал!

– Извиняюсь. Служба.

– Он слово своё сдержал. Такая красавица! Лучшая в труппе! Прима-актриса! А ты?.. Жаль, жаль.

– Исправлюсь, товарищ секретарь губкома!

– Забудь. Чего уж... Но впредь учти – первый раз Задов тебя простил, а второй раз и мне у него билетика для тебя не выпросить.

Шутил ли секретарь, обижался ли всерьёз, Турин так и не разобрался, но былой теплоты, как раньше при вручении награды или автомобиля, он не чувствовал, это тревожило и не давало покоя.

– А ты чай-то пей. Курить не предлагаю.

– Что-нибудь случилось, Василий Петрович? – Турин коснулся чашки, подул на чай. – Конференция придавила? Беспокоят?

– Беспокоят? – прищурился тот. – Есть тревога да другого рода.

Турин дёрнулся, ожёгшись, но Странников заметил:

– Не только у вас ловят, сажают, судят...

– Да что же случилось, Василий Петрович? Я своих ребят подыму на ноги. Вы только скажите.

– Значит, арестовал ты того? – оборвал секретарь губкома, придвинув лицо вплотную.

– Кого?

– Того... агента своего.

– Ковригина?

– Ну тебе лучше знать.

– Арестовал, Василий Петрович, но я за него головой ручаюсь! – попытался подняться с дивана Турин.

– Сиди. И никогда ни за кого не ручайся. Тоже мне, начальник губрозыска! – Странников похлопал его по колену. – Понял, надеюсь, загадку этого дивана?.. Мягко сидеть, но трудно подняться, впрочем, может, это и не единственное его достоинство. Или недостаток?.. Что-то я запутался. А ты-то чего молчишь? Не пугайся. Я же без претензий. Про вчерашний вечер расскажи.

– Василий Петрович, там такое могло случиться... – побледнел Турин.

– А милиция что же? – хмыкнул Странников. – Руки опустили?

– Бандиты Иорина убить могли! А вы с ним рядышком были!

– Ты мне без намеков... без намеков... Мне ясность нужна!

И Турин подробно и, тщательно подбирая слова, рассказал всё.

– В какой больнице Иорин? – поспешил спросить секретарь.

– В моём кабинете. Заперт.

– Что?

– Я его на ключ. И предупредил.

– Его же ранили?

– Не опасно.

– А врачи?

– Хирург смотрел. Его я ещё ночью отвёз домой, как помощь оказал. Хороший специалист, мужик с понятием.

– А Опущенников?

– Ну что вы, Василий Петрович?.. – с хитринкой улыбнулся Турин. – Единственный свидетель – ваша жена. Ковригин сообразительный агент, он и ей ни слова.

– Знаю, знаю, – потёр лоб Странников, – иначе я бы не выглядел таким здоровеньким. Умеет она портить настроение, – он, конечно, попытался сострить, но у него не очень получилось, глаза выдавали: стыла тоска, но секретарь встряхнулся. – Да что мне лукавить, чёрт возьми! Не помню я ничего, вот тебя и пытаю!

– Агента я наказал, – успокоил Турин, отхлебнул из чашки. – Трое суток будет в кабинете сидеть под арестом, как вы и приказали. Отдохнёт. Заодно Иорина посторожит.

– Вы что же? Держать Иорина под арестом собрались?

– У нас комнаты есть. Он, кстати, не женат. Никто не потревожится.

– А на работе?

– А вы ничего не знаете?

– Что? Что ещё я должен знать?!

– При Татьяне Алексеевой Иорин, если так можно выразиться, при том доме свиданий ошивается. А ведь инструктор губкома!

– Ну, это уж оставь мне... – поморщился Странников. – Задов – пройдоха! Ах, Гришка, Гришка!.. Затащил меня туда, а сам смылся!

– Значит, вы об Иорине ничего не знали?

– Ну-ну! Вы меня не допрашивайте!

– Извините, Василий Петрович, профессиональная привычка.

– Чтоб впредь не слышал, – буркнул секретарь. – А Гришка хорош! Он у меня попрыгает!.. Артист из погорелого театра!

Помолчали.

– Значит, Опущенникову ничего не известно? – успокоился Странников.

– Инструкцию нам читал, собрал всех и наяривал.

– Инструкцию? Чего это он?

– Хумарьянцу делать было нечего, вот тот и сочинял – философствовал... Как вам это нравится, Василий Петрович?.. Ночью не допрашивать без особой нужды, оружие не применять?..

– Вредная бумага по нынешним временам. Ты мне её отыщи при случае.

– Принесу.

– Вообще-то этот Хумарьянц много чего намудрил-намутил в своё время, теперь банями в Баку командует. Что ты его вдруг вспомнил?

– Так я ж про инструкцию! Если б мой Ковригин на секунду не успел пушку выхватить, отдыхал бы Иорин в деревянном ящике.

– Ты мне сегодня прямо Америку открываешь.

– Если б не Ковригин, не знаю, что могло приключиться и с вами.

Странников хмуρο скосился на Турина, но возражать не стал.

– Есть версии случившемуся? – спросил после тяжёлого молчания.

– А тут какую версию не выстраивай, Василий Петрович, – будто ждал этого вопроса Турин, – три матёрых бандита навеки успокоены Ковригиным. Перестарался, возможно, но это с какой точки поглядеть. Два уцелевших, по-моему, стоят трёх трупов матёрых преступников?

Он многозначительно глянул на секретаря.

– Признался мне Ковригин, – доверительно тут же продолжал Турин, – он думал, конец Иорину, да вы ещё рядом в таком положении... Поэтому и палил без разбора.

– Ты всё-таки скажи, что сам думаешь про эту историю?

– Меры приняты: ничего не просочилось, – загнул палец тот. – Хирург?.. Он записей никаких не делал, – загнул второй палец. – А больше опасаться некого.

– Не допускаешь?

– Чего?

– Чего-чего! – не сдержался Странников. – Нападения на меня!

Турин вскочил и вытянулся перед секретарём:

– А основания?

– Теракт! Какие тебе ещё нужны основания?

Явно не ожидая такого оборота, начальник розыска лихорадочно соображал, что ответить, его растерянность выдавало заметное подрагивание пальцев рук.

– Что? По-твоему я не фигура?

– Подумайте, Василий Петрович, сколько народу всполошится, если вылезет наружу... – наконец начал он приходить в себя.

– Какой народ? Чего ты мелешь? Мне наплевать!

– Я имел в виду, если начальство съедется. Не наше. Ваше. Из Москвы. Ведь обязательно пришлют проверять, если всё так представить.

Странников переменился в лице.

– А те орлы копать станут глубоко, – развивал мысль Турин. – Из пальца высосут, если и ничего не найдут.

– Как не найдут? А бандиты? – пробовал возражать секретарь.

– Залётная братва. Сплошь уголовники. Такие в политику носа не суют. Кошелёк – вот их мечта.

– Уверен?

Турин как-то особо, по-воровски поддел ногтём пальца зуб, искусно при этом щёлкнув.

– Зуб дам.

– Стопроцентной уверенности и у меня, конечно, нет... – секретарь хлебнул чаю. – Но в одном ты прав – вороны слетятся. Задолбят.

– И копать начнут, до исподнего доберутся. Зачем вам это надо, Василий Петрович?

– А я сказал, что надо?

- Арестова опасаетесь? – тихо, вскользь, подкинул догадку Турин.
- Мину? Нет-нет! – замахал руками Странников. – Если мы когда и грызёмся с ним, то по пустякам. А тебе откуда известно?
- Он настороженно скосился на сыщика.
- Не за деньги работаю.
- Странникова пробил кашель, словно его прорвало. Турин сунулся с чашкой чая, но секретарь оттолкнул, закрыл рот платком и затих.
- Мина – мелкий интриган, – наконец послышался из-под платка его голос. – Ему б в столицу да повыше. А моё кресло ему и на хрен не нужно.
- А проверить надо, – будто приказал себе Турин, – если доверите. Я аккуратно.
- Займись, только осторожно. У Арестова своих везде понатыкано. И в губрозыске небось не один сидит.
- У меня нет, – резко произнес Турин.
- Странников, выпрямив спину, спрятал платок.
- Уверен?
- Голову на отсечение.
- Слушай, что у тебя за выражения? Зубом поручаешься, теперь вот головой, – поморщился Странников. – Думаешь, так всё и прокатит? А если я возьму вот и потребую другого наказания твоему герою?
- Турин так и застыл:
- Ковригину?
- Отдай его мне, – вдруг попросил секретарь. – Коль он жизнь мне спас, пусть и раскручивает всё остальное, что заварил. Мы с тобой версии строим, головы ломаем, пусть он это делает. Меня охраняет, а заодно вынюхивает.
- А Опущенников?
- Его посвящать нельзя.
- А с причиной перевода как?
- Какого ещё перевода? – зло дёрнулся секретарь. – Агент твой зарвался, приставал на улице к солидным гражданам без оснований... Ты его за это под арестом держишь?
- Извиняюсь. Не сообразил сразу. Но я его наказал, а вы в губком возьмёте... Как понимать?
- Пустяки. Набирайся мудрости. Он заявление тебе подаст, а у меня нехватка шофёров. Мне машину прислали на днях. Стоит, пылится. Мейнц уже представлял свои кандидатуры. Управлять-то умеет машиной твой знаменитый Ковригин?
- Ради этого научится, – опустил голову Турин, пряча ликующие глаза. – Только у меня встречное, так сказать, предложение, Василий Петрович.
- Валяй.
- Ковригин у вас сразу засветится. Мейнца вашего я знаю, пронизательный гусь.
- Орготдел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.